

Пётр Алмазный + Юрий Манов

КНИГА

1

Арнец поневоле

Петр Алмазный
Юрий Манов
Ариец поневоле. Книга 1

<https://litres.ru/73947554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Советский человек в теле врага.

Шпион без связей, герой без Родины, ребёнок среди чудовищ.

«Юный Штирлиц» — попаданец в подростка, участвующего в секретном проекте Аненербе. Группа состоит из особенных детей, в которых германские ученые-окультисты пытаются разбудить сверхъестественные способности.

Теперь герою нужно притворяться одним из них. Понять, какие тайны скрывает этот проект, и главное — найти способ повернуть историю в другую сторону.

Содержание

Глава 1. Черное солнце	4
Глава 2. Курсант	14
Глава 3. Первые уроки	25
Глава 4. Легкий экзамен	38
Глава 5. Кривой лес	52
Глава 6. Медосмотр	66
Глава 7. Цирк	79
Глава 8. Первая жертва	95
Глава 9. Идеологическая подготовка	109
Глава 10. Навстречу съезду!	122
Глава 11. Испытание	136
Г	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Петр Алмазный

Ариец поневоле. Книга 1

Глава 1. Черное солнце

В тур по древним замкам в Германии я поехал... из-за телевизора.

Сидел дома, щелкал по каналам и случайно наткнулся на программу про тайны Аненербе. Ну знаете, все эти истории о мистических тайнах нацистов, секретном оружии Третьего Рейха, летающих тарелках и секретных базах в Антарктиде. Конечно, серьезно к этому нельзя относиться, но посмотреть интересно.

В конце того фильма показали замок Вевельсберг, считавшийся резиденцией Аненербе и лично рейхсфюрера Гимmlера. Вот тут у меня и возникло чувство дежа-вю. На экране показывали коридоры и залы замка, а я словно бы знал, что будет за следующей дверью. Как будто сам там был и видел все своими глазами.

Один зал был круглый, с мраморным полом. В центре зала на полу — круглая мозаика.

— Черное солнце! — сказал я вслух за секунду до того, как это сказал диктор за кадром.

Блин... Почему-то я был уверен, что раньше уже видел

это Черное солнце и теперь испытал непреодолимое желание увидеть его еще раз. И как можно быстрее.

Поисковик в интернете уже знал, о чем я его спрошу. «Посетить Вевельсберг» входило в тур по старинным замкам Европы. Заказать-оплатить... Поехали! Вернее — полетели.

Через три дня я достиг своей цели, вдоволь насмотревшись на каменные своды старинных замков и железные доспехи их почивших владельцев. Автобус «Ман» высадил нас на площадке перед древними стенами Вевельсберга.

Замок в реальности выглядел куда симпатичнее, чем в телевизоре или на старинных фото. Но это внешне. Картинки не передавали исходящих от него гнетущих флюидов. И чувство, отправившее меня в путешествие, возникло снова. Меня не покидало ощущение, что здесь действительно творились мрачные дела, и... что я здесь уже был.

Гидом у нас оказался пожилой интеллигентный человек, «русский немец», давно перебравшийся на родину предков. Рассказывал он исключительно компетентно, показал нам музей замка, потом завел в полутемный круглый зал с высокими узкими окнами, торжественно объявил:

— Внимание! Мы находимся в Северной башне замка, в так называемом зале обер-группенфюреров! Иными словами, генералов СС. По различным данным, здесь нацисты проводили особо секретные ритуалы. Обратите внимание на солярный символ на полу, это так называемое Черное солнце...

Он говорил, а для меня его голос словно отдалился, звуча из какого-то далекого далека.

Это не назовешь словами: почудилось, померещилось. Реальность точно сдвинулась, треснула, и сквозь трещину проглянуло нечто неведомое. Гид с увлечением продолжал, но признаюсь, я уже не слушал. Сознание захватила лишь одна навязчивая идея: нужно вернуться сюда одному...

— Ну, а теперь пройдемте дальше! — бодро объявил экскурсовод. Группа послушно потекла за ним. Я тоже двинулся за группой, но по пути сделал вид, что с любопытством разглядываю массивную колонну, чуть приотстал. А так как коридорных изгибов и поворотов здесь оказалось великое множество, то секунд через пять замыкающий группу турист скрылся из вида. И я бросился обратно в «зал обер-группен-фюреров», к «Черному солнцу».

Солярный символ на полу — мозаика темного цвета в виде двенадцатиконечной свастики. Я глянул на нее, и вновь меня накрыло тем же потрясающим чувством. Меня буквально тянуло туда, к черному солнцу. Я поддался искушению и шагнул в самый центр мозаичной фигуры.

В первый миг вроде бы ничего и не произошло. Даже успело промелькнуть разочарование. А во второй...

А во второй миг мир перевернулся.

Я ощутил, что каменные стены замка внезапно превратились в призрачные. Они заколыхались, точно легкие занавески под ветром. И меня повело, да так, что не поймешь, вверх

или вниз... Где небо, где земля — не разобрать, на мгновение я очутился словно в невесомости и в странном сумеречном тумане. Это на самом деле было мгновение, я даже не успел подумать ничего, а в следующий миг уже услышал чей-то негромкий, слегка тревожный голос:

— Павел! Павел...

Нет! Не так звучало. Это мне по инерции почудилось. Теперь мое имя кто-то произносил иначе:

— Пауль! Пауль...

Вроде бы то же самое, но с иной фонетикой и интонацией. По-немецки?

— Что с тобой, Пауль? Ты меня слышишь? Ты в порядке? Да, это немецкий язык, совершенно точно. И я его прекрасно понимал. И ответил на нем же:

— Да... Да! — как можно тверже, еще не видя ничего.

И я открыл глаза. Понадобилось усилие, чтобы не вздрогнуть и себя не выдать.

Тот же антураж, что в «зале обер-группенфюреров», только масштаб поменьше. И окон нет, их заменяют круглые электрические плафоны. А так — круглая зала, полумрак, и я стою в центре. И двое мужчин смотрят на меня напряженно, в глазах застыл немой вопрос: «Ну как?!»

Наконец, один, постарше, спросил вслух:

— Зильбер! Ты слышишь нас? Видишь ясно? Как самочувствие?

«Ты», а не «вы» — отметил я мимоходом, но поразило

меня другое.

Они обращаются ко мне: Пауль Зильбер. Это ведь по-немецки то же самое, что Павел Серебров по-русски! То есть мои реальные имя и фамилия, но исковерканные на немецкий лад. Похоже я действительно угодил в какой-то хроно-переход или как там это называется. Но почему он активировался именно на мне, ведь я вроде ничего особенного не сделал...

Как бы там ни было, теперь я в другой эпохе, в другой стране и... И в другом обличье.

Это я понял, потому что увидел себя со стороны. В небольшой нише напротив меня было установлено зеркало. И я увидел в нем подростка лет тринадцати-пятнадцати в коротких штанишках и коричневой рубашке с черным галстуком.

Я специально сделал едва заметное движение рукой правой рукой, дабы убедиться, что это действительно я. Отражение послушно повторило мое движение. Сомнений больше не оставалось.

Вот потому-то эти дядьки и обращаются ко мне на «ты»! Не паниковать! Сейчас это главное. Надо принять ситуацию как данность и отбросить всякие пустые эмоции, отказ верить в то, что это невозможно. Это уже случилось.

— Зильбер! Ты слышишь нас хорошо? — снова повторил дядька.

— Нормально, — сказал я, чувствуя, что говорю не просто

по-немецки, а на явно выраженном берлинском диалекте.

— Точно? — переспросил другой мужчина.

К этому времени я уже успел отметить винтажный вид обоих. Костюмы, галстуки, штиблеты — все, как на довоенных фотографиях. Круглые золоченые очки у старшего — седого мужчины лет пятидесяти. Второй были заметно моложе, по виду ему и тридцати нет. Оба гладко выбриты, аккуратно причесаны и черты лица у всех самые что ни на есть германские. У обоих на лацканах добротных пиджаков — маленькие круглые значки со свастиками.

В этот момент дверь зала резко распахнулась, в зал вошел третий — голубоглазый блондин в черной форме с петлицами СС, и с черепом в кокарде фуражки с высокой тульей. Он небрежно зиганул тем двоим и внимательно посмотрел на меня.

Сомнений больше не оставалось: я в гитлеровской Германии. И я подросток в униформе Гитлерюгенда. А рядом со мной, то есть с Паулем Зильбером, стоят ученые нацисты-окультисты.

Судя по всему, они только что проводили некий эксперимент, в результате которого в этого Зильбера вселилась личность Павла Сереброва.

Моя личность, черт бы их всех побрал вместе с их опытами!

— Он что-то видел? — громко спросил вошедший. Не дождавшись ответа, обратился ко мне:

— Курсант, ты что-то увидел? Там?

Я отрицательно мотнул головой. Не думаю, что это именно тот результат, на который рассчитывали немцы. Но что отвечать я не знал. И решил, что с такими «хозяевами» стоит вести себя предельно осторожно.

А ээсовец вдруг схватил меня за грудки правой рукой, а левой начал водить у меня по затылку. Чего это он? Похоже, вообразил себя экстрасенсом. Тоже мне, Кашпировский недоделанный. Никаких чувств его манипуляции во мне не вызвали. Разве что брезгливость.

— Но немного... — протянул я, понимая, что любой наводящий вопрос может меня выдать.

— Что немного? — наострил уши ээсовец.

— Немного устал, — признался я. — Знаете, как будто тяжесть тащил наверх. Этаж на пятый. Вроде мешка с песком. И так раз пять-шесть. И голова болит, говорить трудно.

Длинная фраза далась не легко. Но я хорошо знал этот язык. Теперь хорошо знал. Думал по-русски, но говорил по-немецки.

Немцы переглянулись.

— Это понятно, — осторожно произнес главный. — Но ничего, скоро отдохнешь. А сейчас все-таки расскажи нам, что ты испытал и увидел. В подробностях. Постарайся ничего не забыть.

— Да тут и забывать-то нечего, — я пожал плечами. — Как будто очутился в таких сумерках, что ли... Темно-серый

туман. И чувство легкости. Вроде бы лечу. А лучше сказать, парю в этом сумраке. Как цеппелин.

Я действительно описал свои недавние ощущения именно так, как это сделал бы юноша пятнадцати лет.

Они выслушали меня очень внимательно. Переглянулись.

Я заметил, что они ждали от меня большего, но и то, что услышали, кажется, подтверждало какие-то их мысли. Типа: до цели еще семь верст и все лесом, но путь верный...

— Ну, хорошо, — подытожил старший. — Значит, говоришь, самочувствие в норме?

— Да, только слабость. Даже в сон клонит.

— Это естественно, — успокоительно сказал пожилой и обратился к помощнику:

— Вольфганг, проводите молодого человека в столовую, а потом в спальню. И пусть отдыхает до завтра.

Ага, Вольфганг... По крайней мере, имя одного я теперь знаю.

— Погодите! — вмешался офицер. — Как это до завтра? Доктор Хоффман, я вас не понимаю. Месяц работы и все вот так? Впустую? Что мне прикажете доложить наверх? От нас ждут реальных результатов!

Чем закончился их диалог, я не узнал.

Вольфганг вывел меня из зала, мы прошли коридорами. В одном из них встретили моего ровесника, одетого в то же «наци-милитари», что и я: коричневая юнгштурмовка с шевроном-руной, черные шорты, черный галстук, ремень с ла-

тунной пряжкой. Мальчик уже готовился зайти в одну из дверей, когда увидел нас.

Он почтительно вытянулся:

— Здравствуйте, доктор Вебер!

— Здравствуй, Генрих. Чем ты занимался сегодня?

— Работали с доктором Баумайстером.

— Ах вот как! Ну, хорошо.

И мы прошли мимо. Однако Генрих успел улучшить момент и чуть заметно подмигнул мне. Я на всякий случай постарался подыграть и ответил тем же, даже сумел улыбнуться уголком рта.

Мы пришли в столовую. Мрачноватая пожилая женщина в белом фартуке поставила на стол большую порцию мясного рагу, зелень, яблочный сок в фарфоровом кувшинчике. Но прежде я отправился мыть руки, подробно рассмотрел в зеркале над раковиной свое новое лицо.

Пауль Зильбер выглядел как стопроцентный ариец. Да, совсем юный, с по-детски мягкими, еще не оформившимися чертами лица. Но обещающими лет через десять твердый облик нордического мачо, воплощение «чистоты германской крови». Светлые волосы, зачесанные на косой пробор. Светло-голубые глаза, тонкие губы, прямой нос.

Вебер пожелал мне хорошего отдыха и ушел.

Я ел с большим аппетитом, присущим молодому растущему организму. При этом продолжал размышлять о своем новом положении.

Итак, я — юноша Пауль Зильбер, прошедший самые придирчивые расовые проверки и отобранный в систему Аненербе. Видимо, как подающий надежды в области паранормальных талантов.

Гитлеровские евгеники явно поставили цель вырастить из одаренных образцов арийской молодежи людей со сверхспособностями. Которые смогут читать мысли, видеть будущее, двигать предметы силой мысли и всё в таком духе.

И наверное, по замыслу мудрецов Третьего рейха, в недалеком будущем этим сверхлюдям надлежит править миром. Что ж, посмотрим...

Глава 2. Курсант

Насытившись и поблагодарив суровую фрау, я вышел из столовой обратно в коридор.

Подойдя к двери, в которую вошел Генрих, толкнул её. Вошел в комнату.

Спальня. Очень чисто и скромно. Два окна, шкаф, стол, табуретки. Пять идеально застеленных кроватей в ряд с тумбочками в изголовье каждой. На стене — большой плакат. Орел с расправленными крыльями сжимает в когтях олимпийские кольца.

Уже знакомый мне Генрих сидел на второй кровати справа. Он уже переоделся, был в майке и шортах. Обернувшись, он так и просиял:

— О, Пауль! Как ты? Освободился?

— Да, — я направился к кроватям, пытаюсь угадать, какая ж из них моя.

Это оказалось не трудно — да здравствует знаменитая немецкая педантичность — на каждой кровати обнаружилась аккуратно прикрепленная деревянная табличка, на которой готическим шрифтом выведены имя и фамилия владельца. Слева направо: Юрген Фризе. Клаус Шпарвассер. Михаэль Кремерс. Генрих Штрайх. И на крайней справа: Пауль Зильбер.

— Ну, что сегодня у вас было? — серые глаза Генриха

блеснули искренним любопытством.

— Да ничего особенного, — я расстегнул ремень и начал снимать галстук. И рассказал примерно то же, что и тройке экспериментаторов.

Генрих аж присвистнул:

— И это ты называешь — ничего особенного?!

— А что такого? — я с удовольствием освободился от рубахи. — Это лишь первые шаги. Никаких особых результатов я не почувствовал.

— Так-то оно так, — неуверенно протянул Генрих, — но все-таки, круглый зал, это...

Он не договорил, а я глянул в окно и определил, что на дворе лето, скорее всего уже август. День на исходе, скоро сумерки. Наш дом — вилла, окруженная чем-то вроде сада или парка. Вон виднеются еще какие-то корпуса и что-то похожее на хоздвор.

На тумбочке лежала аккуратно сложенная газета «Фёлькишер Беобахтер». Вот это очень кстати! В передовице статья про немецких атлетов — героях Берлинской Олимпиады.

Я тут же посмотрел на плакат на стене — орел с олимпийскими кольцами. Это же символ Берлинской олимпиады 1936 года. Я посмотрел дату выхода газеты — 21 августа 1936 года.

21 августа? Сегодня утром тоже было 21 августа. Но совсем другого года...

Вот почему-то именно сейчас меня пробрала дрожь. И

дело было даже не в том огромном временном промежутке между моим прежним временем и этой новой реальностью. Дело было в осознании, что ничего страшного еще не случилось, но уже близится. Весь ужас Второй Мировой: и немецкие танки под Москвой, и горящий Сталинград, и блокадный Ленинград, и страшные концлагеря. Потом уж, слава богу, красное знамя над Рейхстагом и долгожданный мир, но сколько всего нехорошего перед этим...

Чтобы скрыть свое волнение, я сделал вид, что ищу что-то в тумбочке.

В верхнем ящике обнаружился полезный документ. Удостоверение члена гитлерюгенда Пауля Зильбера. Из него я выяснил, что мой день рождения — 12 июля 1921 года. То есть мне недавно исполнилось пятнадцать. Мелковат, конечно, для пятнадцати. Хотя достаточно жилистый, крепкий и выносливый.

Еще узнал, что я берлинец. В гитлерюгенде состою уже год, перешел по возрасту с юнгфолька, имею отличие за усердность.

В коридоре раздался шум и голоса, в спальню начали подходить остальные курсанты. Все примерно моего возраста.

Я старался вести себя так, словно мы со всеми давно знакомы, старался не брякнуть лишнего. Любой свой косяк я мог бы объяснить усталостью от участия в эксперименте. И пока все вроде бы получалось хорошо.

Незаметно наблюдая за ними, я фиксировал все замеча-

тельное в их облике и повадках. Они были и похожи, и одновременно непохожи друг на друга.

Мне приходилось видеть хроники про гитлерюгенд. Там, конечно, все были явно выраженного нордического вида, с правильными чертами лица, прекрасного телосложения. Светловолосые и светлоглазые. Стриженные под аккуратную польку или полубокс. Видно, философия Гитлера-Розенберга исходила из того, что люди только такой внешности и могут обладать сверхспособностями. Сама природа положила на них такой опознавательный знак.

Тут дело обстояло несколько иначе, все были вроде нордического типа, но в чем-то каждый отличался от прочих. Пожалуй, на роль стопроцентного арийца из кино здесь подходил только Юрген — высокий, стройный блондин, пожалуй, несколько астеничный. Клаус, напротив, был невысокий, юркий, бойкий. Михаэль — коренастый, широкоплечий увалень. Генрих — мелковат, видом не тянет даже на четырнадцатилетнего. Я — что-то среднее между ними всеми...

Мне, по сути взрослому человеку с высшим психологическим образованием, нетрудно было повернуть разговоры так, чтобы определить эрудицию, интеллект, общее развитие парней. И я быстро установил, что Клаус, уличный пацан из Моабита, не имея особых знаний, обладает отличной смекалкой. Шутник и балагур. Такие встречаются в каждом коллективе. Баварец Михаэль, бормочущий на жутком диалекте, очень силен, но заметно туповат. Юрген скорее всего

лидер в группе — когда он говорил, все затихали и слушали. Генрих скорее всего аутсайдер. Из-за физических данных.

Но кое-что общее в них всех было. Вернее, в нас. Что-то особенное, ради чего всех собрали сюда. В проект «Юнгенкрафт» — это я успел услышать от Клауса и ловко раскрутил его на нужную для меня информацию.

Но перегибать палку не стал, с настырными расспросами не лез. Наоборот, мне было интересно, что они скажут сами, без моего воздействия.

А они дружно заговорили о только-только завершившихся в Берлине Олимпийских играх. Командная победа Германии приводила всех даже не в восторг, а в бешеное упоение: «Дойчланд убер аллес» везде, и в спорте, разумеется! Превосходство арийской расы по всем фронтам! Конечно, огорчал мальчишек успех американского негра Джесси Оуэнса в легкой атлетике.

— Как так?! — возмущался громче всех Клаус Шпарвасер. — Разве так может быть? Да чтобы какой-то негр... Ну ладно бы англичанин или швед, но негр?! Не хочу в это верить. Это судьи! Среди судей полно американцев и евреев. Это они подыгрывали негру!

Тут вдруг сцепились в споре Михаэль с Генрихом. Михаэля огорчало досадное поражение могучего борца Курта Хорнфишера от эстонца Кристиана Палусалу.

— Эстонец — все-таки тоже ариец, — попытался возразить Генрих.

— Да что ты понимаешь, малявка! — Михаэль весь напыжился и раскраснелся. Финнам и эстонцам он отказывал в праве так называться, и вообще почему-то их недолюбливал.

В полемику втянулись прочие, да так, что я стал опасаться: еще чуть-чуть, и подерутся. И из-за разницы в габаритах Генриху мало что светило.

Возбужденный Генрих повернулся ко мне:

— Пауль! Ну скажи ты этому ослу! Разве финны — не арийцы? Они же наши верные друзья!

— Друзья?! У них дурная кровь! — горячился Михаэль.

— Тихо, ребята, что вы расшумелись по пустякам? — внушительно сказал я. — Вы оба правы!

— Как это? — удивился Михаэль.

— А очень просто.

И я веско разъяснил, что исходно финно-угорские племена, конечно, не арийцы. Но...

— Если мы говорим о прибалтах, то немецкие бароны и ландскнехты за семь веков изрядно поправили породу в Ливонии. В их крестьянок за века влилось столько тевтонской, самой чистой арийской крови, что сейчас их можно считать таковыми. Ну, почти.

Генрих просиял:

— Вот! Слышал, пень еловый? Ну, Пауль, как здорово объяснил! Вот голова!

И посмотрел на меня с восхищением. Да и прочие прониклись. И это хорошо — мне необходим авторитет в этой

компании.

— Эй! Откуда здесь эта русская свинья!? — услышал я за своей спиной новый голос. Взрослый, твердый и властный.

По спине пробежал холодок. Неужели меня так быстро разоблачили?

Я быстро намотал ремень на правый кулак и повернулся... И понял, что обращались вообще-то не ко мне.

Высокий рыжеватый парень, с повязкой не то дежурного, не то старосты на рукаве, стоял у кровати Генриха Штрайха и буравил его своими маленькими глазками.

На кровати Штрайха лежала книжка с бородатым мужчиной на обложке. Я сразу узнал Льва Толстого. «Анна Каренина» и «Крейцера соната» под одной обложкой.

— Ты с ума сошел, Штрайх?! — вопил рыжий дылда. — Зачем принес сюда эту русскую свинью?! Ты знаешь, что министерство пропаганды категорически запретило бредни этого сумасшедшего старика?!

— Так точно, господин роттенфюрер! — вытянулся в струнку Штрайх. — Книга мне выдана в библиотеке по личному приказу доктора Штрауса для подготовки доклада об ущербности славянской морали. Также хочу добавить, что произведения Льва Толстого не внесены в списки запрещенных министерством пропаганды.

— Да? — недоверчиво переспросил дылда. — Я обязательно проверю! И какую главную ущербность ты нашел в этом?

Роттенфюрер брезгливо указал на толстый том.

— Все русские бабы — шлюхи! — почти выкрикнул Штрайх. — Они легко поддаются пагубным страстям и не ценят семьи.

— Вот! — поднял указательный палец староста. — Поэтому министерство пропаганды и требует уничтожить подобную гадость, развращающую нравы. Убери немедленно это с моих глаз! В качестве исключения разрешаю хранить ее под матрасом, чтобы это больше никто не видел. Но после доклада немедленно сдать в библиотеку! Ты меня понял?

Закончив со Штрайхом, дылда подошел ко мне и также уставился своими пороссячьими глазками. Я теперь обратил внимание, что на его черных погончиках было по одной серебристой полоске. Ефрейтор? Надо запомнить.

— Зильбер, господин Вебер сказал, что ты сегодня хорошо поработал. Сильно старался. Но быстро устал. Разрешаю тебе завтра утром не бежать на зарядку. И ты получишь на завтрак двойную порцию масла и сладкую булочку. Тебе надо окрепнуть.

Староста потрепал меня по плечу, посмотрел на наручные часы (мне показалось, что он ими очень гордится) повернулся к остальным ребятам и громко крикнул:

— Ну что стоите? Марш на вечернее построение!

Мы вышли из комнаты и построились в коридоре. Староста тем временем водрузил на тумбочку патефон, раскрутил ручку и поставил пластинку. И я услышал голос, знакомый

по кадрам хроники.

Гитлер сначала медленно, а потом все быстрее, с завываниями, иногда срываясь на крик, заявлял о единстве немецкой нации, и о себе в роли вождя этой нации.

Ну что ж, с чувством злорадной мстительности подумал я, это мы еще посмотрим! Теперь у вас, паскуды, есть я. Глубоко законспирированный, глубже не бывает, противник. Не разгадаете, хоть наизнанку выверните!

Я ощутил себя Штирлицем на особом положении. Советский разведчик в недрах Аненербе!

И моя задача — не дать этим псевдоученым ни единого шанса хоть на какой-то результат. Завести их дрянную возню в тупик. А там, глядишь, и вовсе разнести это паучье гнездо, чтобы и духу его не было!

Однако не будем забегать сильно вперед. Цели ясны, но я ведь толком еще и не осмотрелся здесь. Надо вжиться в текущую реальность. Вот задача номер один.

Завывания фюрера закончились овацией в огромном зале с прекрасной акустикой и выкриками «Хайль гитлер». Курсанты к патефонному воплю присоединились и дружно зиганули. Староста остановил патефон, бережно спрятал пластинку в конверт и сказал:

— Марш все умыться и отбой!

Я взял из тумбочки мыло, щетку, коробочку с зубным порошком, прихватил полотенце и пошел за остальными в отделанную белым кафелем «умывалку». Там было шесть ра-

ковин и четыре очка за дощатыми дверцами.

Староста зашел в спальню, убедился, что все лежат в кроватях, и выключил свет.

За день все порядком устали, поэтому вырубались почти мгновенно. Я же не мог заснуть довольно долго. Лежал с закрытыми глазами, думал, планировал. Нелегал во враждебном окружении, но не должен ничем себя выдать. От меня может зависеть, как повернется судьба мира. Я не могу позволить себе ошибиться...

Но, честно говоря, пока еще была у меня надежда, что утром все вернется. Что как фильме «День сурка» завтра я проснусь в уютном номере отеля от стука в дверь, и экскурсовод поторопит меня занять свое место в автобусе, чтобы ехать в Вевельсберг...

Кстати, перед сном я всего себя ощупал. Так вроде нормально все, обычный пятнадцатилетний пацан без патологий. Только вот отлить очень захотелось.

Я сел, нащупал голыми ногами тапки, встал и двинулся к двери. И чуть не заорал от неожиданности.

На крайней койке, которая стояла у стены... Вернее не НА койке, а НАД койкой, примерно в метре над матрасом, висел прямо в воздухе человек.

Это был Юрген. Тот самый высокий блондин. Он висел горизонтально, укрытый синим казенным одеялом, и слегка похрапывал...

Левитация!

Так я познакомился с первой сверхспособностью одного из курсантов. Не терпелось познакомиться и с прочими. И, конечно же, поскорей бы узнать и свою собственную.

Глава 3. Первые уроки

«Дня сурка» не получилось.

Утром тот же роттефюрер объявил «Подъем», мы по-армейски резво встали, заправились, построились.

Как освобожденный от зарядки, я решил пока пошарить в своей тумбочке более внимательно. Может получится узнать еще что-нибудь о себе. У меня ведь должна быть родня, родители. Где-то должен быть и дом. И лучше бы держаться от него подальше. По крайней мере пока.

Верхний ящик я обследовал еще вчера. Там лежали мыло, щетка, порошок, записная книжка в клеенчатой обложке, где хранилось удостоверение Гитлерюгенда. В нижнем, который побольше, нашлась еще одна щетка, уже для ботинок, вакса для них же, какая-то книжка. На обложке рыцарь в сияющих доспехах с чашей в руке.

И еще обнаружился непонятный сверток, аккуратно завернутый в газету. Развернув ее, я нашел внутри письма, три штуки. Все от одного адресата, подписанные «Танте Магда».

Вспомнил, что так звали тетю Магду из Ростка. Я бего прочитал послания, постепенно вспоминая все больше и больше информации о себе.

Итак, я — сирота. Отец умер от ран, полученных на фронте под Седаном. Мать пропала без вести. У меня есть брат и сестра. Тетя Магда взяла детей пропавшей без вести сестры

из жалости. Живет тяжело, но очень надеется на фюрера.

В одном из конвертов нашлось фото. Полноватая тетка у кирхи, рядом мальчик, похожий на меня, и красивая девочка в белом. Вот и вся семья.

Тетя Магда просила, чтобы я учился хорошо и не бедокурил. Боялась, что меня отчислят и вернут обратно. Она еще помнит послевоенный голод. Еще один голодный рот в семье в ее планы не входит. Она и так сделала для детей непутевой сестры слишком много.

Спасибо, тетушка, премного вам благодарен. Я упаковал письма обратно, но адрес на всякий случай запомнил. Город Росток, Линденштрассе 15.

Записную книжку просмотреть не успел, запыхавшиеся ребята стали возвращаться с зарядки. Быстро переодевались, умывались и уже собрались идти на завтрак, как в комнату вошел Вебер.

— Смирно! — крикнул Клаус и все мы вытянулись перед ним в струнку.

— Вольно, — улыбнулся Вебер. — После занятий всем собраться в Багряном зале! Будет важное сообщение!

Завтракали все под впечатлением от этих слов. Видимо, это было важным событием.

Генриха особенно разбирало, он прям ерзал на стуле. Чувствовалось, что так и хочет спросить, кто что думает на эту тему, но не решается. В самом деле, пустое любопытство. Скоро все само выяснится.

А сладкая булочка, полученная мной в качестве бонуса, действительно оказалась очень вкусной.

Занятия проходили в небольшой комнате со столами в два ряда.

Над доской висел портрет Гитлера в коричневом френче. На подоконнике стоял одинокий кактус. Я сидел за одним столом с Генрихом, реттенфюрер тоже присутствовал, сидел сзади за отдельным столом.

Признаться, занятий я немного побаивался. Я же не знал, что на них было раньше. А вдруг что-то задали на дом? Вот как вызовут к доске, а мне и сказать нечего. Но у меня была подготовлена отговорка. «Вчера доктор Хоффман... мы с ним занимались... в круглой комнате... я плохо помню, что было вчера»... Должно прокатить.

Однако никаких домашних заданий не было. И вообще занятия были странные.

В комнату с доской (по привычке я назвал комнату классом) вошла молодая рослая фрау в сером костюме и в пилотке. Она поприветствовала нас и разрешила сесть. У нее была папка с картинками животных. Фрау по одной доставала картинки и показывала нам. Мы записывали в тетрадки их названия. «Кошка, собака, свинья, бегемот»... Ручки были перьевые, их надо было окунать в чернила, и я с непривычки наделал клякс.

— А это что за зверь? — спросила фрау и показала нам картинку, не перевернув ее изображением к нам.

Мы все промолчали. Я и представления не имел, что там за зверь может быть. Фрау нахмурилась и перевернула картинку. Корова.

Генрих рядом тихонько заскулил:

— Я знал... Я ведь почти видел... Корова, да, корова...

А фрау Хелен повторила опыт. Барсук, бегемот, лев...

— А это кто? Не вижу ваших рук, — фрау строго смотрела на нас.

Роттефюрер с задней парты не выдержал и хохотнул. Фрау тут же посмотрела на него:

— Петер Аксельбаум, я вижу, вы готовы ответить на этот вопрос.

Роттефюрер встал:

— Конечно, фрау Штрикер. Это жираф. Легкотня!

И он снисходительно посмотрел на нас.

— Молодец, Петер, — сказала фрау, переворачивая картинку. На ней жираф тянул свою шею к зеленым веткам на верхушке дерева. — Видите, дети. Петер упорно занимался и теперь легко справляется с этим заданием. Вы сможете так же. Садись, Петер.

Я посмотрел на Петера. Значит роттефюрер — Аксельбаум. Возможно даже, выпускник. Уже проходил этот курс. Но как он так легко угадал картинку. Или они может заранее договорились с фрау? А фрау звали Штрикер. Хелен Штрикер.

Мой сосед по парте опять застонал и схватился за голову. И я с удивлением увидел нижнюю строчку в его тетрадке.

«Жира...». Он что, тоже угадал?

Когда фрау перешла на птиц, и показала картонку, Генрих вдруг поднял руку:

— Это орел, фрау Штрикер, — сказал он.

Фрау заглянула в рисунок, еще не показывая его нам.

— А какой именно орел?

Генрих прикрыл глаза и громко сказал:

— Белоголовый!

Картинка была перевернута. Действительно, белоголовый красавец сидел на скале и смотрел куда-то вдаль. Очень красивая птица.

— Хорошо, Генрих, — улыбнулась фрау, делая пометку в своем журнале. — Очень хорошо! Продолжим.

Мы продолжали записывать. Генрих угадал еще два раза.

Клаус тоже попробовал, но дважды ошибся.

На перемене я сразу подошел к Генриху и спросил:

— Как у тебя это получается? Ты увидел сквозь картон? Увидел мысли фрау Штрикер? Или заглянул в будущее?

Последнюю фразу я сказал с некоторой долей надежды. Там, в прошлой жизни со мной случилось такое. На футболе я точно знал, забьют пенальти или нет. Садясь в автобус, знал, войдет ли контроллер. Когда звонил телефон, всегда знал, кто это, не глядя на определитель номера. Особенно, если звонила женщина. Коллеги на работе посмеивались и называли меня «экстрасексом».

— Нет, — мотнул головой Генрих, — я словно вижу их в

движении. Корова пасется, орел летит. Но очень четко вижу.

— Тебе просто повезло, — громко сказал подошедший Клаус и щелкнул Генриха пальцем по носу. И тут же схлопотал по шее от роттефюрера, внимательно за всем наблюдавшим.

— Когда научишься угадывать так же, как Генрих, тогда и будешь говорить о везении, Шпарвассер, — назидательно сказал староста.

Клаус покраснел и сжал кулаки. Видно, этот гопник не привык сносить обиды. Но быстро опомнился и побрел по коридору.

На следующем уроке мы обсуждали прошедшую Олимпиаду в Берлине. Доклад зачитывал Юрген Фризе. Он прикрепил к доске портреты двух мужчин. Как оказалось, боксеры Вилли Кайзер и Херберт Рунге. Легковес и тяжеловес, олимпийские чемпионы в боксе. С них начал, ими и закончил.

— Тридцать три золотых медали завоевали наши спортсмены! — в каком-то восторженном упоении почти кричал Фризе. — И по главным видам спорта! Тем, которые подчеркивают боевой дух арийцев! Золотая медаль в стрельбе! Все медали в конном спорте. Мы же потомки рыцарей, бивших неполноценных дикарей, сидя в седлах закованных в броню коней! А в королеве спорта — легкой атлетике — тоже главные дисциплины наши: метание молота, копья и толкание ядра. А также золото в личном многоборье и победа в тяжелой атлетике! И главное — в боксе. О чем это говорит?! Са-

мый тяжелый боксер — наш! Но и тот, кто мал и легок — силен боевым духом! Тоже наш!

— А футбол?! — поднял руку Кремерс, встал и добавил безапелляционно. — Футбол — главный спорт!

— Наши победы еще впереди, — решительно заявил Юрген. — В этот раз нам просто не повезло. Но в финале встретились Австрия с Италией! Австрийцы — те же немцы, а итальянцы — наши верные друзья. Хайль дуче!

Все вскочили с мест и подняли руки в нацистском приветствии вслед за Юргеном. Мне пришлось тоже, иначе никак.

— А как же этот негр Оуэнс? — снова спросил туповатый Кремерс. — Он побил всех в беге.

— Пойми Михаэль, — мягко сказал Юрген. — Олимпиада — слепок этносов в условиях борьбы. Мы сильны в конном спорте, стрельбе, метании копья и в боксе. Негры — в беге. Они привыкли бегать, убегать со своих чертовых хлопковых плантаций. Вот и получилось. Но верь моему слову, даже с четырьмя медалями белые в Штатах вряд ли сядут с этим чемпионом за один стол.

Третий час занятий был и вовсе странным.

В класс вошел бритый монах в странном одеянии. Он неторопливо разжег какие-то благовония в принесенной чаше, запалил ароматические палочки, сел прямо на пол в позе лотоса и затянул свое «Омммм». По команде роттефюрера мы последовали его примеру.

Сидеть в позе лотоса с подвернутыми ногами было не

очень удобно, а терпкий запах чадящих масел тревожил ноздри. Я с трудом удерживался, чтобы не чихнуть. Но сдержался и скоро почувствовал, что мне очень легко и свободно.

Я не чувствовал ни рук, ни ног, мне казалось, что я лечу.

Я открыл глаза. Подо мной проплывали в каком-то тумане снега, льды и горы. Это был Тибет и самая загадочная гора в мире.

«Загадочная и непокоренная, почти идеальная пирамида, — услышал я чей-то голос. — Ее высота ровно 6638 метров. Но гора растет, и когда сильная рука установит на ней шпиль с флагом, и он зареет на высоте четырех шестерок, случится чудо».

Солнце быстро побежало по горизонту, причудливые тени и трещины на горе сливались в странный рисунок. Свастика! Точно! Две глубоки трещины и тени слились в единую свастику на грани огромной пирамиды.

«Когда избранный смертный войдет в воды мертвого озера, потом живого озера, — продолжал нараспев говорить голос, — тогда откроются недра Кайласа и случится чудо, которого все так ждут»...

И я четко увидел, как в горе действительно открывается проход в пещеру, из которой исходит сияние. Я хотел заглянуть в него и всем своим существом устремился вниз, к нему, к этому сиянию, но...

— Он заснул! Ха-ха- ха! Он точно спит!

Я открыл глаза. Клаус Шпарвассер стоял над лежащим на

полу Михаэлем, указывал на него пальцем и громко ржал. А Михаэль безмятежно причмокивал губами и, кажется, даже похрапывал.

Монах встал, молча собрал свои вещички и вышел вон. А роттефюрер подошел к Шпарвассеру и отвесил ему очередную оплеуху. Не сильно, но обидно.

— Я убью тебя! Я убью тебя, сука — услышал я истерический вопль Шпарвассера.

Что? Сейчас будет драка?

Я посмотрел на Клауса, ожидая, что вот сейчас он кинется с кулаками на Аксельбаума, который был выше него на две головы, но... Кулаки у Клауса были сжаты, но также крепко были сжаты и его губы. А я продолжал слышать его истеричный крик:

— Ты мне еще сапоги будешь лизать, тыловая крыса! Ты еще услышишь про Шпарвассера и будешь умолять его о пощаде, рыжая свинья!

Мы переглянулись с Генрихом. Почему-то мне показалось, что он тоже слышал истеричный голос, грозящий нашему роттенфюреру самими страшными карами.

— Хватит пялиться, будите этого соню и марш в Багряный зал, — тоном, не терпящим возражения, скомандовал роттенфюрер. Мы с Генрихом кинулись поднимать спящего с пола. Он долго не хотел просыпаться.

Багряный зал оказался комнатой, отделанной красным мрамором, чья фактура была до странности похожа на сы-

рую говядину. Не знаю, что за эстет додумался до такого.

Посреди зала стоял длинный стол заседаний в виде буквы Т. Нам разрешили за него сесть и велели ждать.

Несколько мужчин, включая доктора Вебера, озабоченно суетились: забегали, выбегали, шелестели какими-то бумагами. Ясно было, что ждут кого-то важного.

Внезапно Клаус наклонился к самому моему уху:

— Говорят, сам Зиверс должен приехать...

Вольфрам Зиверс! Генеральный секретарь Аненербе! Конечно, я слышал о нем. И даже видел по телевизору в той же программе про Аненербе. Первое лицо в организации! Идеолог! Его повесили в сорок шестом как нацистского преступника.

Также почти беззвучно я прошептал Клаусу:

— А ты откуда знаешь, что он приедет?

Клаус лишь сделал таинственное лицо в ответ.

Тут в зал вбежал доктор Вебер:

— Молодые люди, поприветствуем нашего гостя!

Мы немедленно вскочили со своих мест и вытянулись по стойке смирно.

В зал вошел заносчивого вида мужчина несколько экзотической внешности: с аккуратно подстриженной бородкой и усами, вытянутыми горизонтально и закрученными на концах в острые стрелки. Точно, это он и есть, Зиверс!

Я его узнал по усам и бороде. Только он был очень молодой, лет тридцати — не больше.

За ним ввалилась свита, среди которой были и мои вчерашние знакомцы. В том числе и тот молодой в черной форме. Фуражку он нес в руке, но все равно выпрямил правую руку в нацистском приветствии.

Мы тут же зиганули и заорали «Хайль Гитлер». Зиверс оглянулся, посмотрел на своего спутника приветливо, но, как мне показалось, несколько снисходительно.

Снова повернулся к нам, заговорил:

— Здравствуйте, здравствуйте... Так это и есть тот самый «Юнгекрафт», наша надежда, наше будущее?

— Совершенно верно, — в полупоклоне ответил директор школы, тот самый, которого я увидел первым там, в круглой комнате.

— Прекрасно, доктор Хоффман, прекрасно, — кивнул Зиверс. — Ну что ж, рад познакомиться... Вид у всех бравоый. Прошу всех садиться!

И сам вальяжно уселся на председательское место.

Я, наконец, рассмотрел всех наших преподавателей, сидевших рядом с директором Хоффманом.

Ну, доктора Вебера я уже знал. Фрау Штрикер тоже. С краю сидел грузный мужчина, похожий на медведя Балу из «Маугли». Еще один был похож на плешивую крысу.

Все они внимательно смотрели на гостя, а он молча оглядывал нас. Словно прощупывал взглядом. Как будто норовил проникнуть в голову каждого.

На мне ненадолго задержался. Я взгляда не отвел и, на-

против, попытался мысленно просканировать его. И сделал вывод: в сверхвозможности человека он верит пылко, и отчаянно хочет считать, что у него самого эти способности есть... Однако, не совсем уверен в этом. И отсюда надменность, маскирующая сомнения и перепады настроения.

— Так вот, молодые люди, — заговорил он, — я внимательно прочитал все отчеты ваших руководителей. Вижу, что вы в полной мере готовы к экзаменам, которые ждут вас в сентябре. Но перед этим я хотел бы лично убедиться в ваших особых способностях. Сначала обратимся к теории. Кто из вас скажет, что такое место силы?

Все наши сразу подняли руки, я поспешил сделать то же самое, хотя понятия не имел, о чем идет речь.

Зиверс указал рукой на Юргена. Тот вскочил и громко общил:

— Рейхсминистр Гиммлер на основе многолетних научных исследований лично выдвинул теорию, что поверхность земли пронизывают некие энергетические линии, по которым течёт энергия. На пересечении этих энергетических линий образуются места силы, где не всегда соблюдаются общепринятые физические законы. Арийская раса, как высшая из рас, сосредоточением воли и знаний может управлять этими силами, этой практически неисчерпаемой энергией.

— Bravo, юноша, все верно, — кивнул Зиверс. — И хочу вас заверить, гениальная теория рейхсминистра находит свое подтверждение на практике. Наши славные предки уме-

ли определять эти места и строили там крепости и города. Кенигсберг, Нюрнберг, Мюнхен... Не буду все перечислять. И, конечно, есть такое место в Берлине. Объявляю, что наши исследования выходят на новый уровень. Я знаю, вы сами того давно ждали, и вот... Сегодня вам предстоит найти место силы! Вот и посмотрим, действительно у вас есть способности, о которых прожужжали мне все уши ваши учителя, или... Или вы зря едите хлеб с маслом в тепличных условиях, когда ваши сверстники работают на полях Германии и приносят реальную пользу немецким крестьянам. Будем считать это первым серьезным экзаменом. Господа курсанты....

Мы разом встали.

— Не смею вас задерживать. Отправляйтесь выполнять задание!

Роттенфюрер вывел нас из зала, построил и провел к раздевалке у выхода из особняка. Там в стене было окошко, из которого завхоз выдал каждому из нас по ножу в черных ножнах.

Мы повесили их на ремни и вышли на улицу.

Глава 4. Легкий экзамен

Что говорится, с корабля — на бал. Не успел прибыть, и вот тебе — испытание. Перед дверями особняка стоял автобус с будкой без окон. Мы загрузились и сразу поехали. Судя по времени поездки, мы выехали куда-то в предместье. Староста Аксельбаум ехал с нами в кузове, трясся на ухабах на жесткой лавке, поглядывал и иногда посмеивался. Успокаивал:

— Не бойтесь. Только самый последний осел не может пройти этого испытания.

А я все равно нервничал. Ведь они чему-то здесь учились все это время. Может, их конкретно учили искать эти самые места силы. А я? Вдруг не получится.

Привезли нас куда-то в лес. Но не совсем дремучий, тут и там виднелись тропки, словно люди здесь часто бывали. Аксельбаум выдал нам по небольшому флажку на тонком древке. Мне достался флаг зеленого цвета.

— Вы должны найти место силы и воткнуть там свой флаг, — сказал староста. — И желательно, как можно быстрее. От этого зависит, допустят ли вас до настоящего дела. Можете идти толпой, можете по одиночке. Но важно, кто сделает это быстрее, кто воткнет свой флаг первым. Что стоите? Марш-марш! — и он указал направление движения.

Признаться, как действовать в этой ситуации, я еще не ре-

шил. Хотел было предложить держаться всем вместе, но тут от группы откололся Юрген. Он вдруг остановился на пересечении троп, к чему-то прислушался и вдруг резко двинулся вправо. За ним сразу поспешил Михаэль.

— Ерунда! Туда надо! — почти скомандовал Клаус Шпарвайсер и двинулся по главной тропе. Мы с Генрихом переглянулись и последовали за ним. Но Клаус после резкого поворота вдруг резко прибавил ходу, почти побежал по тропе и в скором времени совсем скрылся из виду.

Мы остались с Генрихом одни. Признаться, я этому даже обрадовался. Парень мне этот нравился.

— Как думаешь, где может быть это место силы? — спросил он почему-то шепотом.

— Кто ж его знает? — пожал я плечами. — Знать бы, что это вообще за место. Пойдем пока прямо.

— Как ты думаешь, этот экзамен, это все серьезно? — спросил Генрих.

— Наверное, — пожал я плечами. — Но ты слышал, что сказал староста. Задание легкое, что их группа это место нашла. Значит и мы найдем.

— Но они что-то чувствовали. А я сейчас не чувствую ничего.

За разговором тропа привела нас к озеру. Чудному лесному озеру и тоже вполне обитаемому. Недалеко от берега виднелись лодки с празднично одетыми людьми. Бюргеры отдыхали. А я осмотрелся и... сразу его почувствовал. Нет, я сна-

чала увидел это место — вершину холма над озером, а только потом почувствовал.

— Оно там! — указал я на вершину холма.

— Ты уверен? — тихо спросил Генрих.

— Абсолютно! И лучше бы туда добраться на лодке. Экономим много времени. Ты грести умеешь?

Генрих мотнул головой.

— Я и плаваю-то, если честно — не очень.

— Эх ты, а еще Генрих.

Совершенно свободная лодка и даже с веслами нашлась шагах в ста, причаленная к густым кустикам на берегу. Не иначе, как влюбленная парочка решила уединиться в них от посторонних глаз, вот и присмотрели укромное местечко. Ладно, могут не торопиться, лодка им все равно сейчас ни к чему.

Мы нашли веревку, которой лодка была привязана, и забрались в нее. Я сел на весла, умело развернул лодку и погреб в сторону холма. Минут через десять мы ткнулись носом в противоположный берег и покинули судно. Как более опытный, я спрятал весла в кустах, вдруг как обратно грести придется.

— А теперь вверх, — скомандовал я. — И побыстрее, если хотим быть первыми.

Главное, что я действительно что-то чувствовал там, наверху. Там что-то было, что-то сильное. Туда тянуло. Хотя крутой склон дался нам отнюдь не легко. Но мысль, что вот

сейчас мы будем первыми, заставляла забыть об усталости и напрягать все силы.

Но первыми мы не стали. Когда мы поднялись на вершину, около большой каменной чаши лежал на травке и жвал соломинку Юрген Фризе. Они мирно беседовали с нашим роттефюрером, древко желтого флага было воткнуто в землю у самой чаши, из которой медленно вытекала вода. Аксельбаум нас тоже заметил, встал, достал из кармана часы — луковицу, посмотрел на время.

— Неплохо, неплохо, — сказал он. — Где остальные?

Мы, оба совершенно запыхавшиеся одновременно пожали плечами.

— Давайте, ставьте свои флажки, — кивнул в сторону чаши роттефюрер.

Тут я понял, что значит место силы. Да, внизу оно чувствовалось, а тут... Как же словами передать? Ну вроде рядом — трансформаторная будка, и в ней гудит. Но если в настоящую будку сунешь руку, то без руки и останешься. А тут...

— Вы лица-то ополосните с устатку, — посоветовал Юрген.

— Едва я опустил руку в чашу, как усталость словно рукой сняло. Видимо, тот же эффект почувствовал и Генрих. Мы умывались, чувствуя необычайную легкость, и смеялись. Да, нам было легко и весело.

— Кто из вас первым почувствовал зов силы? — спросил

роттенфюрер, доставая из кармана блокнот.

— Мы оба! Одновременно! — ответил я за обоих.

Где-то минут через двадцать на холм поднялся Клаус Шпарвассер. Он ничего не почувствовал, но поступил проще всех. Подошел к компании, устроившей пикничок на лужайке, и спроси: «Где здесь место силы?» Ему и показали.

— Ах я тупица! — схватился за голову Генрих. — Это же холм великого Хлодвига! Про него же в газетах писали.

Я по понятным причинам ни о чем таком не слышал. Оказалось — известное в Германии место. По древней легенде именно на этом холме стояло войско вождя Хлодвига, когда его окружила орда племени славян — ободритов. Славянские дикари большим числом атаковали без усталости днем и даже ночью. Но воины Хлодвига как будто не знали усталости, были бодры и сильны. Силы самой земли питали их. Утром они опрокинули врага, одержав великую победу.

— Ну да! Сюда же привозили германскую олимпийскую сборную, — вспомнил Генрих. — Помощь предков. Неиссякаемая чаша силы и мощи на вершине холма!

Шпарвассер никакой силы не почувствовал. Так и повалился в траву, едва воткнул свой красный флаг рядом с нашими.

— Кто видел, куда пошел Михаэль Кремерс? — громко спросил роттенфюрер. — Что разлеглись? Получили заряд силы? Пошли искать.

Мы возвращались в школу затемно. Нет, конечно, особняк, в котором мы жили, вряд ли являлся школой, но другого названия как-то не нашлось. А задержались мы из-за Кремерса. Он реально заблудился в этом лесу и его самого пришлось искать. Более того, он забрел в единственное на всю округу болото, умудрился в нем завязнуть и утопить там свои ботинки.

У ворот особняка нас встретил доктор Баумайстер. Он посмотрел на нас, на босые и грязные ноги Михаэля и сделал вытык Аксельбауму за опоздание, сказал, что господин Зиверс остался крайне недоволен. Уехал, так нас и не дождав-шись. Все оправдания ефрейтора он и слушать не стал и пригрозил какой-то «сортировкой». При этом слове наш роттен-фюрер вытянулся в струну и побледнел. Знать бы, что это такое «сортировка».

А доктор подошел к нам, выстроившимся в шеренгу.

— Ладно, пошалили и хватит, — сказал он, глянув в блокнот. — Будем считать, что разминку вы прошли. Завтра — настоящее задание. Считайте, что это будет соревнование на вылет. Марш в спальню. Ужина для вас не будет!

Спать без ужина, конечно, не лучший подарок. Но я, если честно, больше устал, чем проголодался и почти уже уснул, когда вдруг услышал... всхлип. За ним еще один. Звуки доносились из-под одеяла, в которое с головой завернулся Ген-

рих.

— Эй, Генрих, ты что, — тронул я его рукой.

— Отстань, — всхлипнуло в ответ.

— Ты что? Что случилось? — проявил я настойчивость и чуть не силой стянул с его головы одеяло. — Несмотря на сумрак в комнате я разглядел, что лицо его мокро от слез.

— Отстань от меня! — сказал он громким шепотом. — Я не хочу! Понял?! Я не поеду домой, не хочу!

Во дела! Я вспомнил свое детство, когда родки не стали посылать меня к деду в деревню, а послали в спортлагерь. Мне там не очень понравилось, но я терпел, пока не привык. Но в первую же ночь один парень в спальне тоже устроил истерику. Только он наоборот, домой хотел, к маме. А этот...

— С чего ты взял, что тебя пошлют домой? — спросил я тоже громким шепотом.

— Сегодня Вебер обсуждали это с Хоффманом.

— Ты откуда знаешь? Сам слышал? Или сказал кто?

— Да... То есть нет. Просто знаю, что они говорили и обсуждали, что группу пора половинить. Результатов нет.

— Да кто тебе такую глупость сказал? Мы ж с обеда, считай, в лесу были. Холм этот искали.

— Никто не сказал. Я слышу иногда голоса. Когда про меня говорят. Хоффман Веберу за ужином сказал, что Зиверс недоволен. Что если завтра не получится, то... тебе хорошо, тебя оставят, Юргена тоже. У вас — дар. А я... Мне нельзя домой, понимаешь? Отчим — он урод. Он меня каждый день

бил палкой... Придерется к чему-нибудь и палкой. Если пива не выпьет. Шестьдесят пфеннигов надо каждый день. А где я ему возьму? Я и так сюда еле вырвался, я...

Генрих не договорил. Кто вошел в комнату, включил свет и громко скомандовал:

— Подъем, строиться в коридоре.

Судя по голосу — Петер Аксельбаум. Сразу поднялись мы и Юрген Фризе. Он что, тоже не спал и слышал наш разговор? Но Юрген и виду не подал. Вдел ноги в тапки и, шаркая и зевая, двинулся из комнаты. Клауса и Михаэля пришлось расталкивать.

Мы стояли, построенные в шеренгу по росту в коридоре, Аксельбаум зло на нас смотрел. Потом спросил:

— Кто читал «Три мушкетера»?

Все кроме Кремерса подняли руки.

— Ну я так и думал, — сказал роттенфюрер, подходя к Михаэлю. — Поэтому для особо тупых напомню. Все за одного, один за всех! Сегодня из-за одного идиота вы сильно опоздали, и мне хорошенько влетело. Вы даже не представляете — насколько хорошенько. Кто-то должен за это ответить. А поскольку вы группа, ответите все. Упор лежа — принять!

И вы начали отжиматься. Роттенфюрер нас не щадил. Командовал свои «раз-два», когда наши руки уже начали дрожать и отказывались выпрямляться.

— Не вижу резвости, — попенял нам роттефюрер, командовал «раз», принес из ванной ведро холодной воды и щедро выплеснул прямо на нас.

Бодрости это прибавило, но стало совсем мерзко.

— Закончили, — сказал роттенфюрер, и мы все без сил почти рухнули на мокрый пол.

— Ну а теперь докажите одному камраду, что не только все за одного, но и один за всех. — Аксельбаум пошел на выход, обернувшись добавил: — Лица не трогать. Чтобы на морде никаких следов, поняли?

Он ушел, а мы стали подниматься. Выбившиеся и сил, с трясущимися руками, в грязных и мокрых майках. Как-то получилось, что все мы повернулись к Кремерсу.

— А ведь из-за тебя мы терпели, — тихо сказал Юрген.

— А я-то че? — развел руками в сторону Кремерс. — Я заблудился.

Юрген почему-то посмотрел на меня. Словно ждал именно от меня первых действий. И очень удивился, когда я продолжил молча стоять.

— Ну извини! — Юрген резко повернулся к Михаэлю и ударил кулаком в живот. Тут же подскочил Шпарвассер и ударил тоже в живот, но уже коленом. И еще пробил в грудь, так, что Кремерс только охнул.

— Ну а вы что? — снова повернулся к нам Фризе. — Сами слышали, все за одного. Пауль, что с тобой?

Вот честно, не знаю, как бы я поступил сам. Бить или не

бить, вот в чем вопрос! Вроде и не за что его бить, он же не нарочно потерялся. И не почувствовал он никакого места силы, ну нет у него этого дара. С другой стороны, это ведь из-за него, из-за его бездарности и тупости нас роттенфюрер мокрой гимнастикой угостил. Вот Клаус тоже ничего не почувствовал, но ведь догадался спросить...

И еще я знал, что моего решения ждет Генрих. Вот сколько я здесь, совсем ничего, а понимаю, что он сделает так, как сделаю я. Но делать ничего не потребовалось. Я только увидел, как Клаус снова замахивается, чтобы угостить Михаэля сочной оплеухой, и вот я лежу на спине. И все остальные тоже лежат на спине. А Кремерс стоит над нами со сжатыми кулаками.

— Поняли, уроды?! — крикнул он. — Поняли, что я могу с вами сделать? Если кто-то еще раз попробует меня хоть пальцем! — он не договорил, показал кончик своего мизинца и пошлепал в сторону спальни, сдирая с себя на ходу мокрую майку.

— Матка бозка! — сказал почему-то по-польски Клаус. — Меня словно кобыла в грудину лягнула.

Мы попытались встать и тут же присели, прислонившись спинами к стене. Генриха пришлось усаживать. И еще у него кровь с носа потекла. Я дал ему свою мокрую майку утереться.

— А кто-нибудь заметил, как он это сделал? — спросил Юрген.

Ответить было некому. Не заметил никто. Вот я — точно! Но приложило об стену меня от души.

— Тогда пошли спать, — предложил я. — Будем считать воспитательный процесс законченным. Жаль, что роттенфюпер с нами не был. Ему бы понравилось.

Утром мы побежали на зарядку без маек, с голым торсом, в одних трусах. Аксельбаум только пожал плечами, но внимательно Михаэля рассмотрел. Обнаружил на ребрах Крамерса небольшую гематому, удовлетворенно кивнул, подробностями не интересовался.

Каша на завтрак была перловая, кажется, не особо тут любимая, но съели ее всю. И хлеба тоже на подносе не осталось. Ни одного кусочка. На Крамерса мы старались не смотреть, но и он вел себя спокойно, жрал за обе щеки, словно ничего и не случилось.

Вместо занятий мы двинулись в Багряный зал. Зиверс был уже там. Он без всяких прелюдий объяснил, что нам предстоит делать. Мы, пятеро юных «сверхлюдей», должны отыскать в Берлине и окрестностях «места силы». Но не такое, что мы нашли вчера, а еще неизвестные. Место, где присутствует аномальная активность неустановленной природы. Зиверс заверил, что они разбросаны практически повсюду, но уловить их могут только медиумы вроде нас.

— Шестое чувство, интуиция, необъяснимая тяга — как хочешь назови, — объяснял Зиверс, расхаживая вдоль стола.

— Кого-либо из вас, а может, и вас всех, особенное место должно потянуть, как гончего пса безошибочно манит запах дичи. Только ваш нюх несравненно более тонкий!

Я заметил, как Клаус вдруг высунул язык и задышал, как собака. Я не удержался и прыснул со смеха.

— Надеюсь, вы меня понимаете?! — продолжал вещать Зиверс. — Речь идет не о физических сущностях, а об астральных или даже ментальных! Мы должны осваивать этот таинственный мир. Эта способность присуща лишь атлантико-нордической расе, и она даст нам, Третьему рейху, колоссальные преимущества над всеми плутократиями, погрязшими в низменном растлении... И над варварством большевизма, породившего расу новых дикарей со звериными инстинктами. И вы будете первопроходцами этого мира! Его Колумбами и Магелланами! Вас ждут величайшие открытия...

Просто говорить он, видимо, просто не умел, но похоже, сам закипал от своих слов. Возбуждился, жестикулировал, глаза сияли. Даже усы-стрелки растрепались.

— Одним словом, приступайте! Немедленно. Детальные указания получите от ваших научных руководителей.

Взвинченный собственным красноречием, он удалился. Остальное говорил тот самый офицер, которого я увидел в круглом зале. Штурмбанфюрер Лингард положил свою фуражку с черепом на стол и стал давать конкретные указания. А они были таковы: в течение нескольких дней мы должны

искать место силы, блуждать по Берлину, его пригородам и окрестностям.

— Вы должны перемещаться хаотично, но целенаправленно! Место силы само должно дать о себе знать. Не должно дать промаха ваше уже натренированное в «Юнгекрафт» чутье. Обязательно потянет к месту, как стрелка компаса к магниту. Ну, а дальше — действовать по обстановке! Понятно?

Я думал, что нас тут же опять поведут к автобусу, но ничего такого не было. Аксельбаум скомандовал расходиться и готовиться, а доктор Вебер неожиданно попросил меня зайти в медицинский кабинет.

Медкабинет был небольшой, но хорошо оборудованный. По крайней мере — для того времени. Стеклянные шкафы, заполненные лекарствами и препаратами, различная медицинская аппаратура непонятного мне назначения. Фельдшер — степенная тетенька фрау Лотта велела мне раздеться до трусов, быстро меня осмотрела. Доктор Вебер за всем этим внимательно наблюдал.

— У тебя синяк на спине, — неожиданно сказал доктор.
— Откуда он?

— Вчера нам пришлось побродить по лесу, — ответил я.
— Пару раз упал. Наверное, оттуда, ударился о дерево.

— Хм... — улыбнулся доктор. — Похвально. Это правильно, когда подросток не жалуется. Но о дерево ли? Точно не об стену в коридоре? А давай-ка проверим, смотри сю-

да...

Доктор вдруг достал из кармана часы — луковицу и тихонько их качнул. Часы маятником стали раскачиваться у меня перед глазами. И в глазах у меня появился туман.

— Скажи, Пауль, что было вечером в коридоре у спальни?
— раздался вкрадчивый голос из тумана.

Ага. Доктор решил испытать на мне свои гипнотические умения? Так не на того напал. Туман я видел, а вот желания откровенничать у меня не было никакого.

— Вечером я умылся и лег спать. Зубы почистил не особо усердно, за что мне стыдно. Ибо чистить зубы надо усердно, каждый день, дважды в сутки. Утром и вечером. Потому что здоровые зубы — это очень важно...

— Достаточно!

Доктор убрал свои часы, туман перед глазами сразу рассеялся.

— А ты еще тот пройдоха, — сказал доктор Вебер. — Ладно, одевайся и иди готовиться к испытанию.

Глава 5. Кривой лес

Все это было как-то странно. Это задание. То нас держали в школе с категорическим запретом даже подходить к воротам, и вот пинком под зад — в Берлин. В одиночку, без всякого сопровождения. Нам выдали деньги на карманные расходы, транспорт, питание. Очень умеренно, не пошикуешь. По полтора марки на лицо.

Возвращение в школу не позже двадцати ноль-ноль. Опоздавший лишился ужина. Из Берлина можно было доехать на пригородном поезде или автобусе. Но до станции было больше пяти километров, до остановки автобуса — два, но автобус ходил очень редко. Компаний предписывалось не создавать, каждый должен был действовать строго сам по себе. И в полицию не попадать ни в коем случае! Делать что угодно, врать, убегать, но Лингард особо предупредил, что попадание в полицейский участок автоматически означало исключение из школы.

— Всем все понятно? Вперед!

В Берлин нас отвозил сазу после завтрака школьный автобус с водителем герром Пфайфером. Он ездил всегда в старом френче с медалькой «За храбрость» на груди, высаживал нас на Потсдам-плац и тут же уезжал.

Признаться, первый выход, то есть — выезд в город меня просто восхитил. Ну вот и сбылась моя мечта. Своими гла-

зами увидеть Берлин! И не разрушенный войной, а довоенный. Столицу страны, поднявшейся с колен. Где люди, пережившие позор поражения, голод, криминальный беспредел, ужасную, невиданную инфляцию и коррупцию вдруг обнаружили, что можно жить по-другому. Богато и весело. И гордиться собой. Потому что из каждого утюга тебе кричат, что ты по праву рождения — лучший. Ты — немец, ариец! А все остальные — говно! А особо евреи. Евреи — вообще не люди!

Впрочем, насчет утюгов я погорячился. Электрических утюгов еще не было. Даже у нас в школе в хозблоке утюги были чугунные, их разогревали на печках. И еще я никак не мог поверить, как эти люди с виду вполне нормальные и вообще не кровожадные, слушающие легкую музыку из своих радиоточек, в скором времени обратятся в зверей, в кровожадных хищников. В убийц, насильников и грабителей. Хотя... музыка из радиоточек очень часто прерывалась браваурными маршами и не менее браваурными речами нацистских вождей. Особо часто слышался голос доктора Геббельса. Может, все дело в радио?

Первый день я потратил на знакомство с совершенно незнакомым мне огромным городом. Стал более или менее ориентироваться. Сознавал, что есть минимальный риск напороться на родню или знакомых Зильбера, которых отродясь не видел. Но это вряд ли...

Теперь про последнее предупреждение про полицию.

Одинокий подросток на улице в Берлине один — это уже подозрительно. Особо — в урочное время. Он должен либо идти — ехать в школу, либо из нее возвращаться. Но сейчас — каникулы. Подросток должен быть в трудовом или спортивном лагере, и в городе ему делать нечего. Если только он... не занят делом. Словив на себе настороженный взгляд кондуктора трамвая, при первой же пересадке я стянул в проходном дворе какое-то ведро с кистью и рулоном нацистских плакатов. Ездить со всем этим, конечно, не очень удобно, зато вопросов нет. Подросток из Гитлерюгенда занят делом — едет клеить нацистские плакаты. Один кондуктор со значком-свастикой на лацкане пиджака похвалил и даже разрешил проехать в трамвае бесплатно.

Маршрут я пока выбрал... кладбищенский. От кладбища до кладбища. Ходил между склепами, прислушивался к своим чувствам. Кладбищенские работники на меня смотрели подозрительно. Ну правильно, где это я собирался здесь плакат наклеить? Также я выбирался из трамвая, когда видел старинные особняки, надеясь, что там-то точно какая-нибудь потусторонняя херь должна быть. Но... Ничего. Даже ни намек! Последним вечерним автобусом я поехал «домой», едва успев на рейс. Всю дорогу стоял на задней площадке, хотя ноги от усталости гудели. Вместе со мной ехали Юрген и Михаэль, по их лицам я понял, что они тоже ничего не нашли.

Доложив о прибытии роттефюреру, я тут же сел на лавку

у спортивной площадки и так сидел, ног под собой не чуял. Обидно было, что ничего не нашел. Да и все остальные тоже вернулись с пустыми руками. А Клаус к тому же прибыл в порванной рубашке. Рассказал, что заехал в какой-то пригород, и его там чуть не избила местная гопота. Едва сбежал.

Вечером после ужина нас снова собрали в Багряном зале для отчета. Никто ничем не мог похвастаться, но руководство не сильно огорчилось, велело продолжать.

Заснули мы в тот вечер сразу и спали, как убитые. А на завтра отправились вновь в Берлин. Генрих в автобусе сел рядом, я заметил, что он совсем не весел.

— Ну что, может, попробуем сегодня вместе? — шепотом предложил я.

Генрих испуганно замотал головой:

— Что ты, нельзя! Выгонят за обман! Велено по одиночке...

Ну велено, так велено. Все равно прокатались без толку. И завтра, и послезавтра, и послепослезавтра тоже результатов не было ни у кого. Только я заметил, что Юрген в этот день с нами не поехал.

— Он с утра в библиотеке, — тихонько шепнул мне Генрих. — Доктор Хоффман ему разрешил.

Библиотека? А вот это интересно. Я уже понимал, что моя система поисков подвела. Нет ничего потустороннего на кладбищах и в старинных склепах. Должно быть, а нет. Только мертвые люди. И в особняках старинных ничего не бы-

ло. Хотя на третий день я точно что-то такое почувствовал, исходящее из особняка на Кайзерштрассе. Но особняк был окружен кованой оградой, а у ворот стояло два эсэсовца с автоматами.

По возвращению я радостно доложил про это доктору Хоффману и назвал точный адрес. Он усмехнулся и сказал: «Забудь. И лучше к этому дому близко не подходи». И глазами указал на большой герб Аненербе, висевший у него на стене.

— Слушай, кажется что-то такое есть в Бернау, — сказал тихо Генрих, когда мы тем же вечером чистили зубы перед отбоем.

— Что именно?

— Не знаю точно.

— А ты откуда узнал?

— Клаус с Юргеном переговаривались. Юрген — коренной берлинец. Он город знает, как свои пять пальцев. Он порылся в библиотеке и чего-то нашел. Он упомянул городок Бернау. А Клаус — ушлый, сразу ухватился. У него язык подвешен. Он там уже побывал и чего-то нарыл. Там точно что-то есть.

— Это ты сам их услышал. Или опять «голоса»?

— Голоса, — кивнул Генрих. — Они еще что-то про старую оперу говорили. Что там точно есть, но туда лучше не соваться — опасно. Там бродит неуспокоенный дух старого еврея. Арийцу с ним лучше не встречаться.

— Слушай, а вот про евреев... — вспомнил я. — Я вот столько по городу ездил. Нет табличек про евреев. А ведь должны быть.

— Так на Олимпиаду их сняли. Не переживай, скоро опять повесят, — сказал Генрих убедительно. — Так как насчет Бернау?

Ехать неизвестно куда по подсказке, полученной таким сомнительным путем, мне не хотелось, но Генрих вдруг попросил.

— Пауль, пожалуйста. Давай туда съездим. Не вместе, порознь, просто встретимся на вокзале. Просто посмотрим, и все. Понимаешь, мне нужно найти хоть что-то. Очень нужно.

— Ну не знаю, надо карту посмотреть.

— У меня есть карта. Не думай, не украл, мне подарили одну в таксопарке, я помогал мыть машину.

— Зачем?

— Ну, решил, что таксисты все знают. Познакомился с одним, сказал, что нам дали задание на лето собирать старинные легенды... Попался добрый дядечка, он катал меня, рассказывал, что я на его сына похож.

Ну разве что на сына...

Утром после зарядки мы встретились на лавке на спортивной площадке. Генрих достал карту, я быстро нашел Бернау. Это городок на северо-восток от Берлина. Можно считать — пригород. Договорились, что я поеду туда на автобу-

се, а Генрих поедет на пригородном поезде. Встретимся на станции. Якобы случайно. Насчет случайных встреч запрета вроде не было.

Бернау — тихий уютный городок, окруженный сохранившейся еще со средневековья городской стеной. Двухэтажный железнодорожный вокзал, тут же и автобусная станция. Генрих приехал вовремя, мы сначала пошли осматривать город. В центре — древняя ратуша или магистрат. Высокое здание в готическом стиле. Вот именно у ратуши я что-то и почувствовал. Достал компас. Это «что-то» было ровно на севере. Мы переглянулись и пошли по узкой улочке, прошли старые городские ворота и увидели башню. Видимо, она когда-то была частью городской системы защиты, охраняя северные ворота, теперь же стояла одиноко.

Что-то такое в башне было — это точно. Но не сила. Что-то другое, наводящее тоску. Очень ко времени к воротам подъехал водовоз с бочкой на телеге. Мы сразу стали спрашивать старичка-водовоза про башню.

— Городские что ли? — спросил старичок. — Сразу видно, что не местные. Знаменитая эта башня. Ведьмина называется. Здесь ведьм в старые времена держали. Пока всех не сожгли. Говорят, по ночам их крики до сих пор слышны. Очень они кричали, когда их тут пытали. Магистрат хотел башню снести, да строители подходить к ней боятся. Уж очень они кричат... Я лично не слышал, но старики говорят...

Мы с Генрихом переглянулись. Что ж, опять, получается, мимо. Зря прокатились. Вряд ли господина Лингарда обрадует легенда о старинной башне, где пытали несчастных женщин. А ведьмами они были, или нет, поди тут разбери...

— А ведьмы здесь жуткие были, — продолжил словоохотливый старичок. — Так оно и понятно, в ведьминой роще они свои шабаши устраивали.

— А что за ведьмина роща? — спросил я, ожидая услышать очередную легенду.

— Да тут, недалече, в кривом лесу, — сказал старик и указал рукой в сторону леса. — Деревья там кривые, потому и называется кривой.

Мы посмотрели в сторону леса, названного кривым.

— Пойдем, посмотрим. Зря что ли ехали? — предложил Генрих.

И мы пошли по дороге меж возделанными полями. Но едва мы вошли в лес, я почувствовал. Есть! Сперва не поверил себе. Замер. Прислушался к своим чувствам. Все верно! Есть!

Меня и в самом деле потянуло в глубь леса, как стрелку компаса к магниту. Я быстро свернул с дороги и зашагал сперва неуверенно, а потом все быстрее по еле заметной тропе. Так, будто невидимая нить протянулась из ничего. Нет, я ее не видел. Но шел и понимал, что иду прямо к цели. Генрих едва за мной поспевал.

— Что? Оно? Скажи, оно?! — повторял он то и дело.

Я не отвечал, когда тропа кончилась, я продирался сквозь кусты, раздвигал руками лохматые ветви. Точно! Чем дальше я шел, тем сильнее меня охватывало предчувствие... И было оно темным. Зловещим. Я понял, что это место силы никак не благодатное. И лучше всего бы его вовсе не трогать, но отступить было поздно. Я почти не владел собой.

Лес стал настолько густым, что вокруг стало темно, как в сумерках, хотя был полдень. Тревога нарастала, и чаща становилась все гуще. И вот впереди мелькнул некий просвет. Поляна среди непролазной чащи. Я понял — это то, что я ищу. Еще с полминуты, и я оказался там.

Первое, что бросилось в глаза: искривленные деревья по северному краю поляны. Как будто их гнула, выкручивала неведомая сила. И трава на этой поляне росла неровно, пучками. Где растет, а где видна голая земля. Жуткое, искореженное место, скрытое от людских глаз в чащобе. Но самое страшное, самое темное было впереди. Сразу за поляной начиналась роща кривых деревьев. Прав был старичок — водовоз. Кривой лес, кривая роща, иначе и не скажешь. Ни одного нормального дерева здесь не было, все стволы и ветви искривлены, а то и вовсе завернуты штопором. И листья на деревьях черные, колючие. Таких не бывает!

Какое-то время я смотрел на рощу, чувствуя, как холодок подкатывает к сердцу. Идти туда не хотелось вовсе. Но что-то тянуло туда, манило, влекло...

— Приди, и ты полушишишишишь вешшишшнюю шшиши-

ное, страшное, сильное. Очень сильное. Это оно манило меня, это оно обещало вечную жизнь. Нет, не жизнь. Это темное не хотело меня обманывать, за мою жизнь оно предлагало мне вечное бытие! Важно, что оно не было однородно, оно состояло из множества разных... духов. Да, не призраков, а именно духов, жаждущих живой плоти.

Но нет! Расставаться со своей жизнью и плотью я совершенно не собирался. И почувствовал в себе силы сопротивляться этому множеству. Я сделал отчаянное усилие, развернулся и бросился бежать в свету в конце тоннеля. Мне показалось, что бежал я очень долго и, наконец, вырвался за пределы рощи. Совершенно обессиленный я упал на черную траву.

Кошмар рассеялся. Я увидел над собой испуганное лицо Генриха. На его глазах были слезы. Он бил меня по плечу и ругался.

— Зачем ты так долго, дурак? — кричал Генрих. — Почему так долго?

— Как долго? — спросил я, садясь.

— Тебя не было больше часа! Я кричал, а ты стоял. Зачем ты там стоял?

Я обернулся. Лес был как лес, только кривой. Но возвращаться мне туда совершенно не хотелось. Хотелось обратно, в школу, домой.

Вскоре мы были на перроне станции Бернау, а спустя полтора часа уже подъезжали к нашей станции. Все это время

мы с Генрихом спорили. Что нам делать со всем случившимся? Рассказать, или скрыть? Спор был совершенно идиотский. Первая моя мысль была — скрыть. Не докладывать ничего начальству. Не дать нацистам доступа к этой точке. Генрих возражал, что надо рассказать. Не мы, так Юрген с Клаусом найдут эту рощу, раз уж они точно определили, что место силы где-то в Бернау. И когда Генрих, наконец, согласился, что да, лучше все-таки скрыть, я передумал. А пусть идут долбанные нацисты в эту рощу! Раз уж они затеяли игры с дьявольщиной, то пусть и лезут сами на свою голову. Или — на задницу. Добром для них это не кончится. А я им в этом помогу. Но тут Генрих стал горячо доказывать, что это может кончиться плохо для всех! Мы спорили так, что пассажиры в вагоне стали на нас оборачиваться.

В итоге решили, что я расскажу про находку, но про Генриха умолчу.

— А ты уверен? — спросил я. — Думаю, что за такую находку положена большая награда.

— Не надо мне такой награды, — ответил Генрих.

— Ну и дурак.

Конечно, я не стал ждать вечернего доклада в Багряном зале, лично явился в кабинет к Хоффману и все ему рассказал. Без утайки, все как было. И про рощу, и про голоса. Не сказал я лишь про защитный тоннель, и про Генриха. Директор смотрел на меня обалделыми глазами. Спыхватился, вскочил, усадил меня в кожаное гостевое кресло. Тут же

схватился за телефон, начал куда-то звонить, то и дело поглядывая на меня.

В кабинет стали прибывать преподаватели. Первым прибыл доктор Вебер, за ним доктор Баумайстер, прибежала запыхавшаяся фрау Штрикер. Преподаватели окружили меня со всех сторон и без конца спрашивали, переспрашивали, уточняли. Казалось, они не могут поверить моим словам. А вот спешно прибывший штурмбаннфюрер СС Лингард спрашивать ничего не стал, сразу расстелил на директорском столе большую карту Берлина с пригородами.

— Покажешь, где это?

— Конечно, — сказал я, поднимаясь с кресла.

Я без труда нашел Бернау и с погрешностью не больше сотни метров указал ту самую рощу. Точку посреди зеленой поверхности, обозначавшей лес на севере от города.

— Ты уверен? — Лингард буквально вцепился в карту взглядом.

— География мой любимый предмет в школе, — спокойно заявил я. — И еще история. Кстати, про эту кривую рощу в Бернау знают местные. Благодаря им я ее и нашел.

— Хорошо... — протянул доктор Хоффман, — легенды — это хорошо. Ну что, коллеги, думаю, стоит отпустить нашего героя? Иди, мой мальчик, отдохни, а нам еще нужно доложить...

Я вернулся в спальный корпус чтобы умыться с дороги. Зашел в спальню, почувствовал, что очень устал, решил при-

лечь поверх одеяла, хотя это было серьезным нарушением дисциплины. Не на долго. Всего на пару минуточек. И сам не заметил, как заснул.

Это был не сон — кошмар. Словно все твари, что крутились там вокруг искрящегося тоннеля, теперь решили достать меня здесь. Спасло меня лишь понимание того, что это сон. Что ничего-то эти дохлые твари мне не сделают.

Пока одна из них не обратилась ко мне по-русски...

Глава 6. Медосмотр

Проснулся я только утром от уже ставшего привычным крика Аксельбаума «Подъем!» Не знаю даже, буду я этому еще радоваться так, как сегодня? Этот «Подъем» избавил меня от очередной попытки бестелесных тварей затеять со мной переговоры. И главное, эта русскоязычная тварь знала, кто я на самом деле, и я был ей очень интересен. Ну ладно, сон и сон. Хорошо, что у меня нет привычки разговаривать во сне. А то бы точно спалился.

Итак, подъем. Можно сказать, что я проснулся героем, по крайней мере на уровне нашей школы. Я еще хлопал спрoсьня глазами, а ребята во главе с нашим ефрейтором устроили мне овацию. Прямо реально, с аплодисментами. А потом еще каждый подошел и пожал мне руку.

— Ты молодец, — сказал Юрген. — У тебя уникальный дар. Я вычислил по старинным хроникам, что место силы в Бернау. А ты смог его почувствовать. Молодец!

Когда мне протянул ладошку Генрих, я вопросительно посмотрел ему в глаза и тихонько шепнул:

— Может, озвучим полную версию?

Генрих только мотнул головой и сказал нарочито громко:

— Поздравляю, Пауль, наша школа может тобой гордиться.

Однако, героем я ходил не долго. Не знаю, кому, что и как

докладывал доктор Хоффман, но на следующее утро в школу приехало несколько дорогих длинных машин. Прибыл господин Зиверс с какими-то высокими чинами из СС. И я уже мысленно представлял себе картину, где мне в торжественной обстановке в Багряном зале вручают... Ну не знаю, премию какую-то, крест железный с мечами и дубовыми листьями, или с чем там еще? Погоны хотя бы лейтенантские. В старом советском фильме «Щит и меч» советский разведчик начинал с простого водителя в гараже, а за короткое время дослужился до высоких чинов в СС, крал секретнейшие документы и таким образом здорово нагадил нацистам. Чем я хуже?

Но нет. Нам в приказном порядке приказали про все это забыть. Про рощу в лесу, про сам лес, про всю эту операцию. Более того, вдруг вспомнилась та ночная история «один за всех». Когда Михаэль нас в коридоре всех об стену шмякнул. То, что это станет известно начальству, я не сомневался. В отряде кто-то явно «стучит». Себя и Генриха я исключил, Михаэля по понятным причинам тоже. Оставались двое...

Меня, да и остальных участников инцидента вызывали в класс, где проводились занятия. Там за столом сидели двое в форме СС. Очень серьезные. Долго расспрашивали, как все было. Трижды заставили повторить все с подробностями. Потом нас отпустили на занятия по строевой подготовке, а Михаэля увозили на три дня. Потом, правда, вернули. Вернулся он совсем молчаливый. Так что в «казарме» нашей

атмосфера была не очень.

Мне же в качестве премии за обнаружение места силы достался... медосмотр.

После обеда меня вызвал с занятий доктор Вебер:

— Как самочувствие, Пауль?

— В норме.

Я не солгал. Чувствовал я себя не на пике формы, но вполне в пределах. По крайней мере, на зарядке бежал легко, на турнике подтянулся раз десять.

— Вот и хорошо. Ступай в медицинскую часть. После вчерашнего медосмотр обязателен.

— Слушаюсь, доктор Вебер. Но мы же с вами совсем недавно... я уже проходил медосмотр...

— Да, но тебя осмотрел только фельдшер. Теперь приехали настоящие врачи. Иди, Пауль, так надо.

Оказывается, при медицинской части в нашей школе имелся и изолятор. Правда — небольшой. В скромно обставленном кабинете с единственной койкой, кушеткой и столом со стульями меня встретили двое незнакомых мне врачей. Один радостно оживился:

— А, это тот самый Пауль Зильбер? Очень, очень хорошо! Доктор Зиверс похвалил тебя, слышал? Хотел поблагодарить лично, но очень торопился. И велел внимательно следить за твоим здоровьем. Ты нужен Рейху! Проходи. Раздевайся. Проведем медосмотр.

Этот доктор был очень активен, беспрестанно двигался и говорил почти безостановочно. Зато второй ничего толком не делал, только смотрел на меня. И как-то не очень понятно было, а что он, собственно, здесь делает?..

Я пригляделся повнимательнее. Этот тип, рослый и мощный, с массивным, сумрачным лицом, обладал тяжелым, неприятным взглядом темных, почти черных глаз. И ни слова он не проронил.

А вот первый говорил и говорил, прямо заметал словесной пургой.

— Так, Пауль... Сначала антропометрический осмотр. Карл! Я буду замерять параметры, а вы записывайте в журнал.

Угрюмый Карл молча кивнул, неловко развернул журнал, взял ручку типа «вечное перо».

Доктор-болтун приступил к замерам:

— Пишите, Карл! Задне-передний диаметр черепа... Лицевой индекс... Прекрасно! Великолепный экземпляр арийской расы! Пожалуйста на весы, юноша. Карл, пишите: шестьдесят килограммов. Рост... сто шестьдесят два сантиметра. Практически идеальный показатель с учетом возраста. Так, ну извольте измерить кровяное давление и пульс!

Пока все это длилось, я убедился окончательно, что неприятный Карл некто вроде гипнотизера. Внешность его опровергала теорию, что эти способности характерны для людей арийского склада... Но теория теорией, а жизнь при-

жмет — и теории побоку.

Зачем он здесь? И это ясно: прощупать меня после вчерашнего. Что сдвинулось во мне после визита на эту ведьмину поляну? Понятно, что им хочется это знать.

Хочется, да не получится! Так я и позволил залезть к себе в душу!

Теперь я отчетливо ощущал токи, идущие от Карла. Да, у него действительно есть какой-то дар внушения или гипноза. Да только со мной это не прокатит. Ставлю глухой блок — и никакое воздействие его не пробьет.

Кстати, после посещения «мест силы» я отчетливо ощутил, что мои способности заметно усилились. Как это объяснить? Пока не знаю. Но узнаю!

Между тем говорливый медик озабоченно качал головой:
— Однако... Пожалуй, высоковато давление! Вот что, герр Зильбер, — шутливо сказал он, — прилягте-ка вон на ту кушетку. И постарайтесь расслабиться. Если угодно, чуть задремать. Сделаем укол. И восстановитесь!

Он со мной говорил на «вы». Но предложение сделать укол мне сразу не понравилось. Был в этом некий подвох. Но вот какой?!

Тем не менее, я лег, закрыл глаза расслабился. Физически. А морально собрался в стальной кулак.

Слышалось стеклянно-металлическое звяканье, бормотание:

— Нет, Карл, не так... Вот так, да!

Говорливый доктор подошел ко мне со шприцем в руке.

— Сейчас... — проговорил он, и я ощутил, как игла без малейшей боли вошла в вену. Поколдовав немного, и смазав место инъекции ваткой, врач объявил:

— Ну вот и все. Полежите немного. Отдохните.

Последнее слово прозвучало уже немного странно. Как-то так, словно звучал голос очень громко, но издалека. И почти сразу же я ощутил, что меня начало покачивать, словно на волнах, хотя я совсем не шевелился. Качка усиливалась. Она не была неприятной, но зато меня как будто стало размывать, как будто некто стремился отключить мой самоконтроль...

И странный, гулкий голос произнес:

— Пауль Зильбер! Вы меня слышите?

Мне все стало ясно.

Под видом некоего лекарства мне ввели так называемую «сыворотку правды». Совершенно вульгарное название, имеющий четкую формулу и научное название. Кажется, мне вкололи амитал-натрия да еще с кофеином. Сейчас, после кратковременной эйфории меня начнет колбасить не по-детски, а потом... Это препарат подавляет волю и заставляет подопытного выворачивать душу наизнанку перед экспериментаторами. Все это может сопровождаться упадком духа, депрессией, слезами. Короче говоря, такая изуверская пародия на исповедь.

Но я-то держался! Я совершенно сознавал это. Да, было нелегко. Я чувствовал, как внешняя сила прямо пытается

расташить в стороны пласты и скрепы моей личности.

Шалишь, однако! Непросто, но у меня все под контролем.

— Слышу, — ответил я, чувствуя, что губы одеревенели и говорить приходится с усилием.

— Хорошо, — погромыхал голос как из репродуктора. — Вы правда нашли вчера место силы?

— Да, — сказал я, чувствуя, как пытается ментально давить на меня Карл. Но мою защиту ему не одолеть! Давление нарастало, но я спокойно держал оборону, как боец в блиндаже. Не сдвинете, даже не надейтесь.

— Что вы чувствовали там, в этом месте? — новый раскат грома.

Я стал излагать. Старался четко, ясно, но именно так, как это сделал бы подросток, а не взрослый человек. Ничего не утаил, ни на крошку не соврал. Все как было.

После моего рассказа голос почему-то замолчал, а нажим заметно стих. Как будто нажимающий понял бесплодность усилий. И мне показалось, что экспериментаторы совещаются. Наконец, протрубило:

— Зильбер! Встаньте.

Я сразу уловил в этом ловушку.

— Зачем?

— Не задавайте вопросов. Я вам приказываю: встаньте!

Ну уж нет — подумал я, догадываясь, что сейчас последует какой-то зловещий, если не преступный приказ типа взять нож и напасть с ним на кого-нибудь. Имитация, конеч-

но. Проверка моей внушаемости под воздействием препаратов и гипноза.

И я усмехнулся, насколько позволяли непослушные губы: — Вы хотите отдать мне какую-то команду? Проверить?

Не ответили.

— Считайте, что проверили, — сказал я.

И с этого момента я уже не боялся ничего. Понял, что пик эксперимента пройден. Мир еще шатался, колыхался вокруг меня, а звуки были похожи на трубы Страшного суда, но я твердо знал, что воздействию не поддамся. Никакому. Наоборот. Я вдруг почувствовал, что сам могу... Сам могу воздействовать на них, читать их мысли. Вот сейчас они кого-то ждут. Кого-то очень важного. И одновременно... жалкого? Вскочку? Как такое можно?

Этот кто-то уже шел в кабинет. Я четко слышал его шаги в коридоре. На нем черная форма и высокая фуражка. В петлицах две молнии. Он эсэсовец, майор. То есть — штурмбаннфюрер. Э, да это Отто Лингард — в черном мундире СС. Блондин с голубыми глазами и волевым подбородком. Почему жалкий? Почему вскочка?

Скрипнула дверь, Лингард вошел, сразу бросил фуражку на вешалку. Посмотрел на меня:

— Он готов?

Доктор замялся:

— Да, мы ввели ему нормированную дозу, но...

— Господа! Мне надоели эти «но»! — резко сказал Лин-

гарт. — Каждый день одни «но». Вы даже не представляете себе, каких трудов мне стоит убеждать мое начальство, что все здесь — не дешевая клоунада. В канцелярии рейсхминистра каждый месяц кривятся, подписывая ведомости с вашими окладами. Немалыми, между прочим. Оклады вы получаете, а толку — ноль.

А я чувствовал, что оба «доктора» смущены. У них, действительно, большие оклады, и они этой работой дорожат.

— Этот парень — единственный, от которого я видел здесь толк, — продолжил Лингарт. Да! Он вошел в место темной силы и смог выйти! Если он не врет. А он не врет?

— Он рассказал правду, — закивал болтун.

— Отлично! Тогда он сделал то, что не смогли сделать взрослые сотрудники Аненербе. Теперь я хочу знать, на что он реально способен? Он может говорить?

— Да, — промямли разговорчивый, — он может отвечать, но...

— Черт побери! Опят это но! — рявкнул эсэсовец. — Дайте-ка я сам.

Лингарт едва не оттолкнул доктора и наклонился надомной:

— Пауль Зиильбер! Слушайте мое приказание! Вы должны проявить свой дар. Вы — ясновидец. Что вы можете рассказать... про меня? Говорите.

Я посмотрел ему в глаза. Действительно, голубые. Прямо подивился этой голубизне. И вдруг... Это было, как кино. Я

видел людей, совершенно мне не знакомых, но казалось, что я их знаю. И не просто знаю, а вижу их мысли, их желания, страсти. И очень захотелось все это рассказать. Особо, когда Лингард повторил:

— Да говори же, черт бы тебя побрал!

Ты хочешь этого? Точно? Так получи... Я мог бы его размазать тут же. И было за что. Я большим трудом удержался от соблазна говорить все. Огромным усилием воли я заставил себя говорить то, что надо:

— Я вижу вас... Вы маршируете. Вы — штурмовик в коричневой рубашке. С факелом в руке. Вы громите антикварную лавку и рисуете на стене шестиконечную звезду. Теперь вы в черном мундире. Вы — шарфюрер. Но вы способны на большее. Очень важный человек жмет вам руку. И говорит, что доверяет вам. Ночь. Вы стучитесь в дверь. С вами двое. Дверь открывается. На пороге мужчина. Он военный. Пожилой. Очень важный чин. Много воевал. Он ваш друг. Вы проходите в зал, через открытую дверь вы видите разобранную постель, в ней спит еще один мужчина. Молодой. Вы достаете пистолет и стреляете в вашего друга, потом в того, кто в постели. Он плачет, просит не убивать, но вы стреляете, потом...

— Достаточно! — Лингард резко выпрямился, развернулся, подошел к вешалке, забрал фуражку. Обернулся, резко приказал:

— Этого парня беречь! Всякие сомнительные для здоро-

вья опыты — прекратить! Ответите лично!

Лингард ушел, а я продолжал видеть. Как в огромном кабинете ему жмет руку Гиммлер и вручает ему витые погоны штурмбаннфюрера. За что же такая честь? Сразу через четыре чина. От унтера до штубстера. Что, этот Лингард лично застрелил главаря штурмовиков Рема в «ночь длинных ножей»? Как же он пустил его к себе в дом?

Я «перекрутил» видения назад. Все ясно. Лингард тоже был другом Рема. И часто гостил у него дома. Сцену в спальне с участием юного голубоглазого арийца и старого пидора я досматривать не стал — противно.

Меж тем доктора еще чуть повозились, погремели чем-то, а затем я вновь ощутил безболезненный укол в место чуть ниже первого. Одурь быстро стала проходить. Реальность вошла в берега: я лежу на кушетке, вижу белые стены и потолок медизолятора и слышу вполне нормальный голос:

— Пауль! Пауль! Как самочувствие?

Самочувствие было не очень. Во рту противно пересохло, голова казалась тяжелой, и виски сильно ломило — но это все не беда. Пройдет.

— Нормально, — я сел.

Вид, должно быть, у меня был не самый лучший. Доктор заботливо спросил:

— Голова болит? Во рту сохнет?

— Да. Но не сильно. Терпимо.

— Терпеть не надо. Возьми, — он протянул мне таблетку,

которую я жадно запил большим стаканом воды.

При этом краем глаза успел заметить, что Карл своим «вечным пером» усердно строчит что-то в журнале. А доктор посмотрел на стенные часы и сказал, что я могу идти в комнату и спать до вечера. Разрешается.

Так я и сделал.

Меж тем дни бежали, лето кончилось, становились прохладнее. Солнечную погоду сменил унылый мелкий дождь, который толком и не шел, но и не кончался. Потом вновь проглянуло солнышко...

А я все никак не мог решить, с чего начать. Начать борьбу, помогать своей Родине. Пока Родину я видел только на карте во время политинформаций. Огромное серое пятно на окраине Европы. Понятное дело, что у нас в классе на стене висела карта, где в центре Европы был Берлин. Так что СССР даже полностью не влез. И странное дело, Советским Союзом эту страну никто не называл, даже на карте она была обозначена, как «Советская Россия», где правили жидо-большевики.

Четкого плана у меня пока не было. А за образец действий я мог взять пока только прочитанные книги Юлиана Семенова да фильмы «Семнадцать мгновений весны» и «Щит и меч». Ну еще «Вариант Омега» — тоже про разведчиков, там Олег Даль лихо фашистского асса разведки надул.

Конечно, я понимал, что никакого Штирлица в реально-

сти не существовало, как и Иогана Вайса из «Щит и меч». Но ведь было же подполье в Германии. Были антифашисты. Была же «Красная капелла», которая передавала радиogramмы в Москву и союзникам. Через них можно было выйти на связь с советской агентурой. Только как?

Глава 7. Цирк

Была какая-то надежда на начало учебного года. Нас же должны были отправить в школу. Там можно было нащупать какие-то связи, но...

Учить нас стали здесь же, в усадьбе. Учителя приезжали из города. Математика, физика, химия, немецкая литература, язык и история. После обеда с нами занимались по «особой программе» прямо до ужина. Развивали наш дар. Почти без перерыва.

Это время было насыщено экспериментами, которые кураторы, похоже, разрабатывали по ходу дела, «методом тыка». Однажды с утра до вечера работали с картами Зенера, до помутнения в мозгах.

И если утром результаты еще подавали надежду, то ближе к ужину превратились почти в нулевые — все очумели от усталости и уже мало что соображали. А Генрих однажды и вовсе упал в обморок.

— Кажется, перестарались, — философски заметил Хоффман. — Что ж, бывает. Ребятам нужно отдохнуть.

Нам объявили выходной. И обещали отвести развлечься.

Это случилось в воскресенье. Подъема утром не было, и наш ротгенфюрер в спальне не появился. Как я узнал, Аксельбаума по выходным отпускали в Берлин на побывку. Он

отвозил матушке свое скромное ефрейторское жалование и помогал ей по хозяйству. Вот бы никогда не подумал, что этот рыжий дылда к тому же заботливый сын.

Так что можно было спать, сколько угодно. Но мы сами поднялись и даже сбегали на зарядку — покидать мяч в кольцо. После олимпиады эта заокеанская игра набирала популярность.

На завтраке нам дали помимо обычной каши по паре вареных яиц и по куску яблочного пирога.

Кроме старосты в этот день домой отправился Юрген, за ним приехала матушка на большой черной машине, и... Генрих. За ним пришел отец, мужчина невзрачного вида с сизым носом. На станцию они пошли пешком. И я заметил взгляд Генриха. Какой-то затравленный...

После завтрака меня вновь вызвали в кабинет к Веберу. Он листал какую-то рукопись, хмурился, однако, увидев меня, проворно сунул бумаги в ящик стола.

— Входи, присаживайся, — пригласил он. — Как самочувствие?

— Отлично.

Чистая правда. Я вполне отошел от экспериментов и выспался. И теперь был свежий, как огурчик.

— Отлично. Но...

— Что "но"?

Я сделал крохотную паузу.

— Но хотел выяснить, зачем со мной проделали такой

опыт. Я про тех двух врачей. С сывороткой правды.

Вебер слегка покраснел и отвел взгляд:

— Видишь ли... Это была инициатива Лингарда. С ним здесь стараются не спорить. Номинально здесь директор доктор Хоффман, но Лингард, как куратор от Аненербе... Он имеет прямой выход на Гиммлера. Обычно, к детям эти препараты не применяются, но это был его прямой приказ. И потом этот случай в лесу. Сам понимаешь...

Оказалось, по поводу событий у места силы в «кривом лесу» среди ученых вспыхнула дискуссия.

— Но ты не волнуйся, — поспешил Вебер обрадовать меня. — Ты показал высочайшую устойчивость к разного рода психическим воздействиям. Просто рекорд! Лингард после сеанса пульей вылетел из дома и сразу поехал докладывать в Берлин.

— А это правда, что он — голубой? — спросил я.

— Что? — удивился Вебер.

— Ну... гомосексуалист.

Вебер испуганно посмотрел в сторону двери.

— Забудь об этом! Штурмбаннфюрер Лингард выполнял личное задание рейхсканцлера, понята?! И не нам судить... Впрочем, для тебя он не так опасен, как его протеже...

— Этот доктор Карл... — догадался я.

— Да, — кивнул Вебер. — Он из спецгруппы Аненербе. Считается там одним из сильнейших суггесторов. Теперь уверяет, что еще не встречал такой сильной психозащиты,

как у тебя... Кстати! — спохватился он, — я тебе так много не говорил!

И улыбнулся.

— А я ничего и не слышал, — улыбнулся я. И ощутил, как между нами возникло какое-то доверие, теплые чувства, взаимная симпатия. Очень хорошо! Возможно, это первая ласточка будущей дружбы, что поможет мне выстроить здесь СВОЮ сеть. Он, похоже, неплохой парень, этот Вольфганг Вебер, и здесь посвящен во все дела. С ним надо будет поработать по-своему! А пока возьмем его на заметку.

Мы с ним еще поговорили, и он постепенно делался откровеннее. Сказал, что это мое качество (я про себя окрестил его «антимагией») для наших кураторов пока еще чемодан без ручки: понятно, что вещь ценная, но как использовать, не очень ясно...

— Думаю, по этому поводу еще предстоят дискуссии, — предположил он.

Я тоже так думал. И еще думал о том, что мне надо самому как-то ненавязчиво подсказать кураторам, в какую сторону направить мой талант. Пусть им покажется, будто это они догадались, а не я.

— Руководство решило, что пора переходить к индивидуальным занятиям, — перешел к главному доктор. — К каждому курсанту будет прикреплен отдельный наставник. И твоим наставником...

— Вы будете моим наставником? — обрадовался я.

— Да! Я сам попросил! Кажется, у нас с тобой что-то получается, да? Сегодня, Пауль, мы идем на ярмарку! — весело объявил он, с интересом следя за моей реакцией. — Любишь ярмарочные балаганы? Фокусники, гипнотизеры.

Но мне хватило секунды, чтобы понять смысл фразы. Вряд ли руководство решило нас просто развлечь.

— Будем проверять себя на всяких пройдохах и шарлатанах? — предположил я.

— В целом да, — улыбаясь, ответил Вебер. — Хотя я не думаю, что все они шарлатаны. Во всяком случае, это любопытно. Вот и разберемся.

Он не без гордости объявил, что это его идея: походить со мной по всякого рода балаганам, проверить, насколько моя «антимагия» может влиять на персонажей, выступающих в роли кудесников, медиумов, спиритов.

— Неплохой практический подход, а? — гордился он. — Кстати! Я придумал специальный термин твоему феномену: эфирная транквилизация. Это значит...

Тут он пустился в рассуждения, которые по-русски вполне можно было бы выразить двумя-тремя фразами. Но немцы — чемпионы по длинным словам и умению запутанно и нудно говорить о простых вещах. Приходилось слушать и кивать.

Впрочем, в скучном словесном потоке была и вполне здоровая струя: Вебер собирал материалы для большой статьи или даже монографии. И я стал для него таким подарком.

— Иди, готовься к выходу в город, — сказал Вебер. — Для вас купили новые выходные костюмы. И сегодня как раз — балаганный день!

Я переоделся в новенький серый костюмчик, и мы с доктором поехали в Берлин. Одного дня, конечно, нам не хватило. Мы прошлись по нескольким аренам и сценам: доктор Вебер был дотошный, добросовестный исследователь.

Первый объект — это было на эстраде в парке — оказался самым наглым, самым пошлым мошенничеством. Однако публика смотрела, вылупив глаза и разинув рты.

Выступала «ясновидящая» — крупная, красивая, белокурая девушка. Но она лишь столбом стояла на сцене, а зрителей успешно лоховозил конферансье: очень шустрый, очень подвижный человечек лет сорока, заметно помятый жизнью. Я бы не удивился, если б узнал, что его неоднократно били за шулерство и тому подобные подвиги.

— ...Мы продолжаем искусство наших древних валькирий, недоступное низшим расам! — напыщенно вещал он. — Они могли видеть незримое! Заглядывать в будущее! Но есть и сейчас среди арийских девушек и женщин те, кто владеет этим даром. Одна из них перед вами: фрейлейн Грета!..

И объяснил, что он сейчас погрузит фройляйн в «гипнотический транс» во время которого она сможет ответить на вопросы желающих. И «погрузил». Делал пассы руками вокруг лица Греты, она медленно полузакрыла глаза. Вид у нее стал жутковатый. Зомби, черт возьми!

Первые вопросы были, конечно, подставные. Потом люди, осмелев, начали выкрикивать свои, особенно женщины. А жулик-ведущий, смекалистый и многоопытный плут, старался угадать, и с помощью условных слов и жестов передавал догадки Грете, отвечавшей загробным голосом.

Я наклонился к Веберу:

— Нам здесь нечего делать. Это сплошь надувательство.

— Вижу, — сквозь зубы ответил он. — И ведь морочат головы и деньги зашибают... Молодцы, что тут скажешь! Заработок на глупости — такой же гешефт, что и все прочие. А вот сейчас посмотрим:

— Эй, фрау! А вот скажите, где родился этот парень? — и Вебер похлопал меня по плечу.

Конферансье тут же подскочил, с интересом глянул на меня. Скорее всего, он сразу определил в светленьком голубоглазом мальчишке коренного берлинца. Но виду не подал.

— Фрау Грета легко это увидит. Нужен всего лишь предмет, принадлежавший этому юноше. Что-нибудь, чего он касался рукой.

Я пожал плечами и протянул ему носовой платок из карманчика.

— И еще скажи, в каком классе ты учишься, и какой твой любимый предмет в школе? — поинтересовался пройдоха.

— Я учусь в седьмом классе, а любимый предмет — история.

Понятно было, зачем этот вопрос. Опознать диалект. Спе-

циалист по языку легко отличит прусака от коренного берлинца или уроженца Вестфалии.

Конферансье тут же подбежал к сцене и потянул платок Грете, что-то то ей шепнув. Она что-то в ответ промычала.

— Ну конечно! — взвизгнул шарлатан. — Этот милый парень родился в нашем милом, солнечном Берлине! Верно?!

Вебер встал, погладил меня по голове и кивнул. Народ зааплодировал. А обрадованный конферансье взбежал на сцену, раскланялся:

— На этом наше представление...

Зрители стали подниматься с мест, собираясь на выход, но тут фрау Грета вдруг громко замычала.

Все повернулись в ее сторону. Оно мяла в руках мой платок, потом вдруг протянула трясущуюся руку и громко прокричала.

— Город! Вижу город на слиянии двух великих рек! С высокого холма видно это слияние! Он называется... Называется... Кислый!

Я непроизвольно вздрогнул. Она сказала по-немецки «Зауер». А надо было «Херб» — горький. В моей настоящей метрике местом рождения значился город Горький. И с высокого холма в современном Нижнем Новгороде, действительно, видно, как сливаются Ока и Волга. Дед несколько раз водил меня на стрелку. Просто смотреть, как сливаются две великих реки. И говорил, что это... «Место силы».

— Я же говорю, шарлатаны, — пробурчал Вебер. — Ну,

идем, Пауль!

— Почему все-таки Зауер? — спросил Вебер как бы между прочим, когда мы ехали домой.

— Не знаю. А что, есть такой город? Возможно... Мой отец из Тюрингии и, кажется, работал на фабрике Зауер, — сказал я. — Делал охотничьи ружья. Еще до войны. Матушка рассказывала.

Вебер ничего не ответил.

Я, конечно, соврал. Про отца Пауля Зильбера я знал лишь, что он вернулся с первой мировой войны с двумя медалями на кителе, отравленный газом, полуслепой и с осколком в спине. Но неожиданно получил в наследство бакалейную лавку в Берлине от умершего дяди. С мужчинами тогда было трудно, выбор невест был огромен. Так, несмотря на инвалидность, удачно женился и заделал трех детей-погодков. Так и жил, пока не помер.

Отцы бывают разные... Ночью я опять услышал тихий плач с соседней койки.

— Генрих, ты что? — спросил я шепотом.

— Ничего... Я убью его. Убью! — всхлипнул Генрих и отвернулся. На вопросы не отвечал, но больше и не плакал.

А утром, умываясь, я случайно посмотрел на спину Генриха. На бледной коже от поясницы до лопатки багровели две жирные полосы.

От такого вида я аж зубной порошок просыпал в раковину.

— Это отец? — спросил я.

Генрих не ответил и спешно натянул майку.

— Чем это он тебя? — не отставал я. — Палкой?

— Резиновым шлангом, — ответил Генрих. — И хватит об этом. Я справлюсь сам.

Наши цирковые занятия с доктором Вебером продолжились через неделю. В воскресенье мы снова поехали в Берлин, побывали на паре похожих представлений — на ярмарках в предместьях, во второсортных шапито. Но там ничего особенного не увидели. И не почувствовали. Ни я, ни доктор Вебер. Хотя один раз случилось такое...

Это были цыгане. Не то чтобы табор, просто цыганская семья поставила на ярмарке свой фургон и устроила представление. Старый цыган играл на гитаре, а две девчушки с бубнами в руках плясали и пели. Причем, довольно сносно. Мы уже хотели пройти мимо, когда я увидел двух полицейских. Они решительно направлялись к цыганам, видимо, собираясь все это дело пресечь.

— Эй, где твое разрешение на выступление? — крикнул один из полицаев.

Цыган прекратил играть, отложил гитару, залез в карман. И очень спокойно протянул полицейскому... сложенный лист газеты. Ну да, обычной газеты! Полицейский ее взял, рассмотрел, удивленно посмотрел на цыгана.

— Хм... Странно... Ну раз сам господин Краух подписал... Можете продолжать...

Полицейский вернул «документ», цыган усмехнулся, по-жамкал газету, словно собрался сходить с ней в сортир, и небрежно бросил ее на землю. Мы с доктором Вебером переглянулись и решили досмотреть представление до конца.

Когда девочки закончили петь и прошли по кругу зрителей со шляпой, доктор Вебер бросил в нее целую марку. Когда зрители разошлись, мы подошли к цыгану.

— Послушай, любезный, как это у тебя получилось? — спросил доктор Вебер.

Цыган обернулся, внимательно посмотрел на нас. Не знаю, как именно словами передать эффект от этого взгляда. Ну вот словно тебя по темечку подушкой шарахнули, и как в мультиках звездочки вокруг головы закружились.

— А, господин хороший, — словно из тумана услышал я вкрадчивый голос цыгана. — Принесли мне долг? А то старый Марко заждался.

— Ка-ка-какой долг, — пролепетал доктор.

— Да как же вы могли забыть? Сто марок, которые вы заняли у меня на прошлой ярмарке!

— Ах, да, — сказал доктор и полез в карман за бумажником.

Ну уж нет! Ничего не имею против цыганских песен, но это уже наглость! Невзирая на звездочки, которые продолжи роиться в моих глазах, в резко шагнул вперед.

— Слушай, ромал, — сказал я грозно, пнув смятую газету ногой. — А может, позовем полицейских, и они еще раз

проверят твои документы?

Цыган удивился и еще раз глянул мне в глаза.

— Че пялишься? Так что, зову полицейских, — и я указал пальцем на служителей закона, домотавшихся до какого-то бродяги.

— Простите, господин, — поспешил извиниться цыган. — Я вас спутал с другим господином. А у вас я занял десять марок.

И цыган сунул руку в карман и протянул доктору «купюру».

Вот сволочь! Опять газета!

Я усмехнулся, перехватил «долг» и повторил его же движение, пожаткав газетный лист. Тут же бросил его цыгану под ноги. Я заметил, как какой-то зевака жадно на него уставился и остановился в сторонке.

— А ты силен, парень, — усмехнулся цыган. — Если захочешь когда-нибудь заработать, найди старого Марко. Меня каждый ромал в Берлине знает. А пока вот держи цыганские деньги, заработал.

Цыган забрался рукой за пазуху, вытащил кожаный мешочек. Высыпал на ладонь серебряные монеты, выбрал две, бросил мне. Я поймал, разглядел одну. На аверсе профиль Гитлера. На реверсе орел со свастикой. 5 новеньких рейхсмарок. Чистое серебро!

Вечером мы оказались в настоящем цирке, доктор купил довольно дорогие билеты в первый ряд. Сначала пришлось

смотреть на всяких клоунов, жонглеров, акробатов — и все ради того, кто должен выйти во втором действии. Мага и чародея, как значилось на афишах. Впрочем, этого типа с нетерпением ждала вся публика. Собственно, ради него и пришли.

Цирк был набит битком. Аншлаг! А жонглеров и прочую хрень, так уж и быть, перетерпели. Хотя одна гимнасточка в обтягивающем трико мне очень понравилась. Уж очень аппетитна на вид.

После антракта оркестр заиграл тревожную дробь, зал погрузился в полумрак. Но один прожектор сделал на арене яркое световое пятно. И в этом пятне словно ниоткуда появился маг. Высокий, худой мужчина в черной фракной паре с белоснежным пластроном. Аскетичное «орлиное» лицо. Пронзительный надменный взгляд. Стиль Шерлока Холмса.

Одного взгляда мне хватило чтобы понять, что у этого человека дар есть. Он в самом деле может гипнотизировать, подавлять волю, заставлять людей выворачиваться наизнанку... Очень интересно! Ну-ка попробуем.

И я включил режим самозащиты, стараясь распространить его на весь зал. И сразу заметил, как напрягся человек на арене. Я представил, как сейчас он привычно воздействует на зрителей, по опыту находя самых слабых, безвольных, из которых он сможет веревки вить. И вдруг... натывается на стену. Непрошибаемую. Ни малейшей щелки! Весь зал — монолит. Кроме «подставных». Но и они как будто ощутили,

что представление идет не по сценарию. Я без особого труда определил «подсадных». Мужчина во втором ряду и женщина в четвертом, сидящие далеко друг от друга. Они невольно шевельнулись, стали озираться, пытаясь переглянуться. Видимо, в зале не было той реакции, что всегда была. И они не смогли понять, в чем дело.

А вот Вебер понял. Я увидел, что он угадал внезапную нервность «мага». И от этого моя уверенность в себе выросла. Я сознавал, что плотно прикрыл аудиторию своим «эфирным транквилизатором». И «чародей» оказался беспомощным.

Впрочем, не совсем. Все же он был слишком опытен. Подставных не зря посадил в зал. И превратил выступление сперва в лекцию о всякой паранауке: телепатии, эзотерике, очень лояльно вспомнил древнегерманских жрецов, друидов; даже Юлия Цезаря приплел для веса.

Говорил, кстати, хорошо — заметно, что образованный. Потом вытащил на арену своих ассистентов, и вместе они разыграли несколько трюков. Словом, худо-бедно выкрутились.

Но тут я сам ощутил, что «держать планку» антимагии чертовски устаешь. Это все равно что интенсивная тренировка в спортзале. Я подумал, что со временем научусь держать психический форсаж дольше, а пока еще только учусь. И осторожно расслабился.

Артист мгновенно уловил это. Он оживился, стал дей-

ствовать куда увереннее. Вот здесь-то ему по-настоящему удалось поразить и восхитить публику, а до того все шло на троечку. Зато теперь — отлично, без вопросов. Представление удалось. Аплодисменты и «браво!» звучали вполне искренне.

Я прошептал Веберу на ухо:

— Он понял, в чем дело. Я уверен. Что в зале был... ну, кто-то такой, как он...

— Согласен, — чуть слышно ответил Вебер. — Ну и черт с ним. Главное, чтобы конкретно не догадался...

Но он, уже догадался. После представления мы постарались выйти незаметно, затерявшись в толпе. Впрочем, свой дар я умел и отключать. Так что при всей чуткости к психическим флюидам, телепат вряд ли что и уловил. И он решил «перехватить» меня на выходе.

Маг сменил свой сценический образ и теперь стоял около дверей в обычной куртке и серой шляпе. Так, невзрачный служащий, легко принять за билетера. Если бы не глаза. Глаза его выдавали. И ищущий взгляд. Он заглядывал в лицо каждому выходящему. Он искал. И он почувствовал, когда к выходу подошли мы с доктором Вебером.

Но, видимо, ему и в голову не могло прийти, что способности могут быть у ребенка.

Меня он игнорировал, буквально вцепившись взглядом в лицо Вебера. Доктор это почувствовал только на улице.

Около круглой тумбы он вдруг остановился, оперся о нее

рукой. Я заметил, что он сильно побледнел.

— Погоди, Пауль, что-то мне не хорошо. Помоги-ка дойти мне до лавки.

В себя доктор пришел быстро и описал свои чувства такими словами:

— Мне показалось, что я воздушный шарик, и из меня вдруг выпустили воздух. Слушай, а мы сегодня видели цыган на ярмарке? Или мне показалось?

Глава 8. Первая жертва

Спал я этой ночью совсем плохо. Снова снились эти призраки из кривой рощи. Теперь они были настойчивы. И они грозились, что мне от них не скрыться. Проснулся я совершенно разбитый, и голова болела. Рядом зашелся в кашле Генрих. Неужели подхватили вирус?

Во время утренней пробежки я с удивлением увидел у главного корпуса «Хорьх» Лингарда. Странно, обычно он приезжал в школу только к обеду. С чего это он в такую рань приперся?

И скоро стало ясно, почему именно.

Когда мы одевались, чтобы идти на завтрак, Генрих вдруг опустился на табуретку и заговорил чужим голосом... Голосами.

«Нет, нет, это совершенно невозможно... Если не справились взрослые, что вы хотите от детей... Вы знаете такое слово, как приказ... Они же дети... Прекратите демагогию, сам рейсфюрер... Но зачем же всех... Один не справится... Вы даже не представляете, с чем мы столкнулись» ...

Смотреть на Генриха, бормочущего чужими голосами обрывки чьего-то спора, было жутковато. И я уже догадывался, о чем этот спор, и что за этим последует. От тяжелых предчувствий за завтраком мне кусок в горло не лез, я выпил лишь кофе. К большой радости Михаэля, доевшего мою

порцию. Вот уж кого ничего не берет! Можно только поза-видовать.

Предчувствия меня не обманули. На пути в учебный корпус нас встретил Лингард. Он был в привычной форме и в черном кожаном плаще. За его спиной маячил какой-то младший офицер с кубарями шарфюрера. Новый адъютант?

— Приветствую вас, господа курсанты, — сказал он. — Сегодня занятия отменяются. Сегодня будет кое-что поинтереснее. Все в автобус! Зильбер и Штрайх, в мою машину.

В «Хорьхе» ехать было, конечно, куда комфортнее, нежели в автобусе.

Лингард приобнял нас с Генрихом за плечи, рассказывал что-то веселое, всем своим видом изображая бодрость, но я-то чувствовал, как дрожит его рука.

Его адъютант, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем подхихикивал, но смотрел через зеркальце заднего вида то на меня, то на Генриха. Взгляд у него был цепкий, колючий.

Водитель особо не гнал, за нами ехал тот же автобус с водителем Пфайфером. И я знал, куда мы ехали. Мы проехали мимо вокзала в Бернау, свернули на север, и машина затряслась на ухабах грунтовки.

Интересно, а как они до поляны добираться собрались? — подумал я. — Через чащу и на танке не проехать...

— Послушай, Пауль, — вдруг сменил тон Лингард, когда машина уже въехала на лесную дорогу. — А почему ты

скрыл, что с тобой в лесу был курсант Штрайх?

Как-то неожиданно прозвучало. Я бросил быстрый взгляд на Генриха, тот отвел глаза. Понятно...

— Курсант Штрайх попросил меня об этом, — ответил я. — Нам было запрещено искать место силы группой. Вот и...

— Только поэтому?

Я кивнул.

— Глупые правила, — скривился Лингард. — Какая разница, группой, по одиночке. Главное — результат. Курсант Штрайх реально помог тебе найти место силы?

— Да, без него бы я не справился.

— Ну, хорошо, — смилостивился Лингард. — Если так, то хорошо... Кажется, приехали.

Мы вышли из машины. Я посмотрел в сторону леса.

Ну, в общем-то как я и предполагал. В чаще появилась просека. Судя по спилам деревьев — совсем свежая.

Видимо от этого, сила, исходящая от Кривой рощи, здесь была явно мощнее, чем в прошлый раз. Особо это отразилось на Генрихе, его буквально затряс мандраж, так что Лингарду пришлось прикрикнуть:

— Штрайх! Что с тобой, черт возьми? Уж не со страху ли трясешься?!

— Нет, герр Лингард. Нет... Сейчас все будет в норме, я справлюсь...

Тем временем подъехал наш школьный автобус и еще грузовик, из которого начали выпрыгивать эсэсовцы с караби-

нами. Карабины-то здесь зачем?

Наши ребята вышли из автобуса, по команде Аксельбаума сразу построились. Впрочем, чего там строиться, всего три курсанта. Лингард кивнул нам с Генрихом, и мы поспешно заняли свои места в строю.

Идти к Кривой роще по просеке было не так страшно, как пробираться по чаще. Но на поляне перед рощей и у меня холодок по спине пробежал. И хотя я чувствовал себя увереннее, чем в прошлый раз, но от рощи тянуло такой же угрозой. Те фантомы уже словно чуяли меня, а заодно и спутников. Словно уже нечто незримое, но сильное и даже властное соединяло нас.

— Ну вот, — сказал Лингард, встав перед нами. — Мы, господа курсанты, на Ведьминой поляне! Курсант Фризе, я ведь верно говорю? Вы же изучали этот вопрос в своих умных библиотеках?

— Так точно, герр штурмбанфюрер! — тут же ответил Юрген. — В средневековых хрониках и в протоколах следствия по делу ведьм из Бернау упоминается поляна перед Кривой рощей, на которой ведьмы устраивали свои шабашки.

— Так это она! — кивнул Лингард и указал на изогнутые деревья. — А это и есть Кривая роща или Чертов лес.

А что, Чертов лес — тоже очень подходящее название. Исковерканные стволы деревьев и безобразно-плешивая поляна яснее ясного говорили о сущности места.

Вновь было возникла пауза, но вот Лингард спохватился.

Он сначала посмотрел на свою притихшую охрану, обряженную в такие же черные мундиры, на их карабины. Потом жестом поманил меня, велел стать рядом, и громко спросил:

— Так. Кто-то что-то чувствует?

Все сразу подняли руки.

Лингард усмехнулся.

— Еще бы! Ну, кто хочет отличиться? Всего-то и надо, что отнести туда это...

Лингард забрался рукой в карман плаща и вытащил грамоту, свернутую в рулон. С нее свисала красная печать, на которой я разглядел свастику.

— Ну, я жду добровольца, — снова пригласил Лингард.

А вот тут возникла заминка. Отличиться хотели все, идти в лес — никто. И только Генрих... Мне было видно, как ему тяжело, как трудно поднять руку.

«Нет, не надо, не делай этого, — мысленно приказывал я ему. — Это много сильнее тебя»!

Но, видно, Генрих очень не хотел домой. И он вызвался добровольцем.

— Хорошо, Штрайх! Ступай туда, — указал Лингард в сторону роши и вручил ему свиток.

Боевой приказ. Как в армии. Ослушаться нельзя. Я видел, как в глазах Генриха мелькнуло отчаяние. Но запнувшись на миг, он все же пошел. Тут-то я и увидел со стороны то, что вчера пережил лично.

Генрих сделал несколько шагов по едва видной тропе, и

кривые деревья словно потянулись к нему ветвями. Он вдруг дернулся так, как будто его ударило током. А затем его сотрясла конвульсия, снизу доверху, все тело крутануло, изогнуло так, что я мгновенно понял, почему окрестные деревья такие изувеченные.

Парнишка вдруг закинул голову назад так, что не увидел бы — не поверил. Он завыл, как волк, ввысь вырвался-взлетел протяжно-звериный вой.

Все стояли, с ужасом глядя на происходящее. И Лингард, похоже, тоже обалдел. Растерялся. Не растерялся только я. И сам бросился за Генрихом.

Вокруг мгновенно потемнело.

Сам не знаю, когда и как вокруг меня образовалось голубоватое, искристое сияние. Даже не зрением, а неким внутренним взором, который мгновенно включился, я уловил призрачную мразь, которая только и ждет жертву. Но я не жертва! Я — боец!

Я взмахнул рукой, от купола мгновенно отделился искрящийся шар и врезался в мразь, отбросив ее назад.

Но темнота вокруг сгущалась, я заозирался по сторонам, совершенно потерявшись в темном пространстве. И стал разбрасывать искрящиеся шары, как осветительные ракеты.

И заметил Генриха.

Он стоял перед вкопанным в землю древним идиолом маленький, одинокий, слабый. Над ним нависало что-то огромное и темное. Но... Оно не угрожало. Оно его словно рас-

смастривало, изучало.

Раздумывать я не стал, схватил Генриха за шиворот и поволоку, еще не будучи уверенным, что тащу в правильном направлении. И что у меня хватит сил дотащить его и добрать-ся самому.

Но все же удалось! Грань леса и поляны обозначилась как грань миров, нормального, привычного обычным людям и темного, потустороннего. Только что меня обступали привидения, злые и голодные — и вот уже поляна, а сзади просека в обычном лесу с нормальными деревьями.

От сильного рывка оба мы, я и Генрих, повалились на траву. Я совершенно обессилел.

Вот почему они назвали это — «место силы». Помимо прочего оно отнимало силы. Мне почудилось, будто я провёл боксерский поединок минимум в восемь раундов.

Над нами склонился Лингард:

— Эй Вы как? Давайте, вставайте, вставайте!

— Пытаемся, — пробурчал я.

— Грамота! Ты передал грамоту?! — крикнул Лингард Генриху.

Тот не отвечал. Генрих был в полной отключке. Я даже не был уверен, жив ли он. Но свитка в его руках больше не было.

— Помогите же им, — прикрикнул Лингард на свою охрану.

Те засуетились довольно бестолково, карабины им толь-

ко мешали. Но все-таки я с их помощью встал, а вот Генрих не смог. Но он дышал и даже хлопал глазами. Поднять-то его подняли, но на ногах парень не держался, был в прострации. Видно, темные призраки зашли в него слишком глубоко, буквально отравив его. Он смотрел бессмысленно, изо рта текла слюна.

— Ч-черт! — выругался Лингард. — Ну, что стоите, тащите его к автобусу! Надеюсь, по пути отойдет.

Это уже — остальной группе, притихшей и испуганной. Мы вчетвером подхватили Генриха за руки, за ноги и потащили. Около автобуса мы положили его в траву.

Я заметил, как водитель Пфайфер высунулся из своего автобуса и перекрестился.

А Генрих вроде бы пришел в себя, открыл глаза, пробормотал:

— О-о... Где я?!

— Все нормально, Генрих! Все нормально, — ободряюще сказал я. — Мы в Бернау. Все кончилось. Сейчас домой поедем!

— Ох... Пауль! Это... Это было нечто, я не могу передать. Ужас... Это ужас...

Лингард цыкнул на него, и Генрих притих.

— Что стоите? — прикрикнул офицер уже на нас, указывая на Генриха — грузите это!

Он так и сказал — «это»...

Домой доехали без происшествий, но Генрих в себя так

окончательно и не пришел. Он лежал на заднем сидении автобуса, слабо стонал и вдруг начал бредить. Его буквально корежило от судорог. И он как-то «потяжелел».

Когда приехали, нам с трудом удалось усадить его. Лицо его странным образом изменилось от какой-то звериной гримасы.

А лицо Лингарда тоже было недовольным и злым. Я чувствовал, что парнишку ему ничуть не жаль. Но жаль «ценный материал», каковым мы все и были в его людоедских представлениях.

Едва приехали, он заглянул к нам в салон, посмотрел на Генриха и тут же бросился докладывать куда-то.

Через минуту явились встревоженный Хоффман и двое крепких, спортивного вида молодцов в белых халатах. Я их видел впервые.

— Штрайх! — Хоффман нагнулся к безвольно сидящему на полу Генриху. — Что с тобой, мой мальчик?

Генрих не отвечал, лицо его продолжали искажать гримасы. Доктор достал что-то из кармана, дал Генриху вдохнуть из какого-то флакона. Генрих резко дернулся и открыл глаза.

— Штрайх, ты меня слышишь? Что ты чувствуешь? — быстро спросил Хоффман.

— Не знаю, доктор, — Генрих вяло замотал головой. — Не знаю. Я не могу это объяснить... Я не могу вспомнить. То есть, как будто и могу... Но как подумаю, что надо вспоминать, так страх охватывает. И холод, — он показал паль-

цем в середину груди. — Вот тут. Холод, как будто сейчас насмерть замерзну...

Хоффман выпрямился.

— Да, — произнес он задумчиво. — Что ж, без этого не обходится...

И обратился к санитарам:

— Отведите его пока в изолятор, дайте успокоительное. Лучше всего ему сейчас заснуть.

Те, так не промолвив ни слова, забрались в автобус, спустили Генриха на землю, увели, точнее — унесли.

Хоффман повернулся ко мне:

— Ты как, Зильбер?

— Я в порядке.

— Сможешь рассказать о произошедшем?

— Конечно.

— Докладывай.

Я рассказал все в подробностях, ничего не упустил. Хоффман выслушал внимательно, подумал.

— Что ж, благодарю за рассказ. Вполне информативно... Хорошо! Сейчас иди отдохай, завтра еще потолкуем. Потом повернулся к группе:

— Всем — муть руки и на обед. Обо всем произошедшем — молчок!

И прижал палец к губам.

В спальне никто не вспоминал о произошедшем. О Генрихе никто и слова не сказал. Табу. На пустую кровать мы

старались не смотреть. И все как-то притихли.

Михаэль после той ночной разборки вообще молчал и держался особняком. Юрген с Клаусом вполголоса говорили о каких-то пустяках. А я, пользуясь разрешением от роттенфюрера, сразу завалился спать, и, хотя уснул не сразу, чувствовал, как восстанавливаюсь после убойных энергозатрат. И проспал весь оставшийся день. И меня не разбудили.

Генрих в школе больше не появился. И когда я пошел в медчасть его проведать, фрау фельдшер сказала, что его увезли.

— Куда?

— Да кто ж тебе скажет?

Я зашел к доктору Веберу. Тот сидел над каким-то древним свитком, изучал его с помощью лупы.

— Я про Генриха. Меня не пустили. Сказали, что увезли. Он так и не пришел в себя? — спросил я.

— Увы. Нечто вроде реактивного психоза. Нет, это все поправимо. Все пройдет со временем. Но...

Вебер развел руками:

— Но из Юнгенербе его, конечно, спишут. Слабоват оказался. Не выдержал перегрузок в ходе испытаний.

Тут я улыбнулся — мысленно перевел название на русский.

Просто доктор назвал нашу школу старым названием «Юнгенербе». Понятно, что сначала нашу школу называли по аналогии с взрослым «Аненербе», но получалось... наследие

юных. А какое у юных бывает наследие? Смешно.

А вот Генриха жалко. Кажется, мы с ним подружились. И я его обязательно найду. Если... если он жив.

— Скажи, правда ли, что ты вчера спас Генриха Штрайха? Вытащил его из очень опасного места? — спросил доктор.

— Да, так получилось.

Доктор хотел что-то добавить, но передумал и махнул рукой.

Прошла неделя.

По-прежнему все старательно не вспоминали Генриха. Будто и не было его. И будто не было пустой койки, с которой уже сняли табличку с именем. А она стояла, эта безымянная койка, рядом с моей. И память мою никто не отменял.

Что дальше? Я как-то завел разговор об этом с Клаусом, и он ответил сразу, словно ждал вопроса:

— А что дальше? Да ничего! Думаю, нового кого-то поделят. Отбор же идет постоянно. Мы же — авангард нации! Помнишь, что Зиверс сказал? Так что скоро новенького поделят, а то и новеньких. Так что не волнуйся.

— Да я и не волнуюсь.

Соврал я. Волновало меня, кого еще приведут в нашу группу.

С Генрихом я мог поговорить по душам, с остальными у меня как-то общение не складывалось. Трое оставшихся в группе мне точно не союзники. Все — нацисты до мозга костей. Это единственное, что у них было общим. Нациста

можно использовать, как оружие, но не как союзника.

Клаус как в воду глядел.

Нас собрали в Багряном зале и объявили:

— В ваших рядах пополнение! И придется немного потесниться. Прибудут двое новобранцев. Завтра познакомитесь.

Вечером в комнату внесли еще одну кровать. Стало теснее. А на следующий день в особняк привези двух новых ребят.

Конечно, мы глазели на них с любопытством. Оба по внешности и по всем физическим данным были стопроцентные арийцы.

Первого представили с помпой: «Активист Гитлерюгенда из Лейпцига Феликс Шульц. Отличился в выявлении коммунистических шпионов». Он уже был одет в коричневую рубашку с повязкой на рукаве, с черным галстуком. И шорты у него были из замшевой кожи.

Второй — просто Лотар Гейнеке из Берлина в дешевеньких брючках и в простой брезентовой куртке. Как потом выяснилось, этот никакого отношения к Гитлерюгенду не имел. Но его соседом по дому оказался один из «индукторов» Аненербе, почуявший особую одаренность парнишки. И того привлекли с вердиктом: «ладно, посмотрим, что получится».

Феликс сразу занял новую койку у окна и повесил в изголовье портрет Гитлера. А Лотар теперь оказался моим соседом вместо Генриха. Парень мне понравился, но не сказать, чтобы мы сразу подружились. Хотя отношения сложились

ровные.

Спокойный, совершенно ненавязчивый юноша. Идеальный сосед.

Правда, я сразу же уловил внутреннюю напряженность новичка, некую глубинную тайну. Словно он что-то скрывал от всех.

Да, конечно — скелеты в шкафу есть у каждого из нас. И у каждого из нас был определенный дар. Но у Лотара я почувствовал его как-то особенно.

Глава 9. Идеологическая подготовка

Кому-то в верхах пришла в голову мысль укрепить нашу идейную подготовку. Вдобавок к политинформациям снова ввели обязательные политические уроки.

Несколько первых провели преподаватели: Хоффман, Баумайстер, Вебер и фрау Штрикер. Потом это дело переложили на нас самих. Потому приходилось читать газеты, слушать радио и готовить доклады.

Чувствовалось, что несмотря на хвастливые завывания о «великой Германии», мудрости фюрера, превосходстве арийской расы и удачно проведенной олимпиаде, в руководстве страны тревожатся. Массы беспокойны. Газеты твердят об «агентуре Коминтерна», которой пронизаны рабочие кварталы больших городов типа Берлина, Гамбурга, Мюнхена. О том, что граждане Рейха должны быть бдительны, неустанно искать и разоблачать внутренних врагов.

И курсанты, выступая друг перед другом, говорили это с пафосом, особо нажимая на то, что мы и есть будущий авангард этой идеи и никакой враг от нас не скроется! Понятно, что внешне каждый из них усердно показывал верность идеям национал-социализма. Но я-то видел глубже, видел каждого из них.

Видел я, что Михаэль и Феликс — упертые и твердолобые юные нацисты, и вырастут из них упыри, которым самое место в могилах с осиновыми колами вместо крестов.

У обоих дар — ударная сила. Пока без мозгов. Поэтому силой своей они управляли крайне неумело. Как Михаэль тогда в коридоре. Хотел вдарить одному обидчику, а досталось всем.

Впрочем, если быть точнее, мысли Михаэля большей частью были не о национал-социализме, а о еде. В детстве он сильно голодал, и теперь не наедался, хотя ему в столовой всегда накладывали больше каши и гарнира. В своем голоде он винил коммунистов и евреев. Евреев даже больше. В причинах не разбирался, так ему сказали, значит, так оно и есть.

Феликс — из семьи упертых нацистов. Отец начинал штурмовиком, дослужился до фельдфебеля, в стычках с коммунистами сделал карьеру. Теперь он какой-то чинуша в СС. Гитлера боготворит в буквальном смысле. Запретил жене ходить в церковь, вместо этого всей семьей ходили на партийные собрания.

Феликс уже убивал. Случайно, но все-таки убивал. Он с отцом и его соратниками участвовал в одном из первых еврейских погромов. Тогда они еще не были законны. Взрослые пошли громить ювелирный магазин, а Феликс с дружкой забрался в бакалейную лавку. На шум явился хозяин — крупный мужчина в спортивной куртке. Он застал погромщиков на месте преступления, схватил приятеля Феликса за

шиворот и стал громко звать полицию. И тогда Феликс ударил его сзади доской по голове. В доске были гвозди. И они как-то очень легко вошли в голову этого большого еврея. А Феликс с дружкой убежали. А через день этого еврея хоронили. И Феликс понял, что убил. Но не раскаялся, а даже наоборот — хотел убивать еще.

Клаус — совсем другой. Ловкий, умный, смекалистый парнишка, но раздолбай и пройдоха. Уличная шпана из Маобита. Сирота. Повезло с даром, взяли на полный пансион — он и рад. Случилось так, что очутился здесь, будет служить Рейху. А повернись жизнь иначе — служил бы другим. Носке, Эберту, Гинденбургу... Беспринципный карьерист. Такой... может пригодиться.

А вот Юрген и Лотар по-прежнему оставались для меня загадкой.

Во-первых, Юрген точно не был сиротой. И с происхождением Юргена было что-то темное, непонятное. Мне в библиотеке как-то попалась книга, которую он раньше брал почитать. В табельном листке была его фамилия. Но написано было «Юрген фон Фризе». Правда, это «фон» было густо зачеркнуто. Так он из бывших баронов? И на свидание к нему приезжала дама в темной вуали на большой черной машине с охраной. А порой наоборот прикатывал потрепанный мужичок на старом велосипеде. Юрген ходил на свидания к обоим, но с этих встреч возвращался какой-то нервный и злой. Вот этот постоянный нервяк и злость не позволяли читать

его мысли.

А вот Лотар... Лотар в первый же день, как прибыл в пансион, поставил блок на чтение своих мыслей. Он умел это делать. И даже тихонько прощупал меня. Поняв, что я тоже не готов делиться своими тайными помыслами, попытки прекратил.

Вот и ладно, решил я, пока живем, а дальше видно будет.

Видно стало через пару дней, когда пришла моя очередь готовить патриотический доклад.

Мне досталась тема «Тевтонский орден — светоч в крошечной тьме варварства».

Я дисциплинированно прибыл в библиотеку, а надо отметить — в особняке она была довольно обширна, особенно по части культов и мистики. Набрал книг по этой теме. И случайно увлекся монографией английского чернокнижника Бекона о сути чародейства.

Интереснейшая оказалась книга, я так и просидел за ней до позднего вечера, пока фрау Штрикер меня не выгнала и не закрыла читальную комнату. Она куда-то очень торопилась. Едва удалось выпросить у нее фигурку конного рыцаря с черным крестом на плаще.

Утром я решил наверстать упущенное на уроке алгебры.

Быстро выполнить задание — решить пару задач, на которые у меня обычно уходило минут десять, а за оставшееся время составить краткий доклад по книге «Истинные Крестonosцы». Но вдруг вместо алгебры нам объявили кон-

трольную по геометрии. С геометрией у меня было плохо. Едва за урок с заданием управился. В общем, толком подготовить доклад я не успел. И когда урок истории начался...

Я вышел к доске, посмотрел в лица моих однокашников, на профессора Хоффмана, усевшегося на заднюю парту и... Неожиданно понял, что могу убедить их всех, что успел подготовить доклад... просто убедить!

Мне приходилось бывать в Прибалтике, осматривать сохранившиеся рыцарские замки, откуда немецкие бароны и несли этот «светоч» огнем и мечом. Так что тема была мне знакома. Едва озвучив тему доклада, я кратко рассказал, как прибывшие на суровые балтийские берега рыцари без страха и упрека несли культуру диким славянам и финно-уграм.

Выдав все, что знал по теме, я поставил на стол фигурку рыцаря в доспехах с черным крестом на щите и мысленно приказал всем в классе «самим увидеть, как это было».

Не могу сказать точно, на какой эффект я рассчитывал, но эффект меня самого поразил.

Все в классе безотрывно смотрели на фигурку рыцаря. И даже доктор Хоффман, решивший специально послушать мой доклад, пялился на всадника через свои толстые линзы в золотой оправе.

Я осторожно отошел к окну, потом к двери. Никто даже и головы в мою сторону не повернул. Все смотрели только на рыцаря. И только...

Лотар. Он сидел на своей задней парте рядом с Феликсом,

смотрел на меня вполне осмысленно и криво улыбался.

— Пошалить со своим даром решил? — спросил он.

— Ну... если честно, доклад не успел подготовить, — откровенно признался я.

— Смело, но рискованно, — сказал Лотар и указал на Хофманна. — Этот мог и не повестись. У него ведь хорошие способности к гипнозу, не замечал? Но сейчас, видно, расслабился, не ожидал от тебя такого.

Лотар взял со стола карандаш, макнул его тупой конец в чернила и подрисовал Феликсу усики, как у Гитлера. А сам карандаш вставил меж пальцев активиста. Тот и ухом не повел, все так же пялился на фигурку тевтона на столе.

— Сука нацистская, — сказал он брезгливо. — Урод, недоносок.

— Ты не любишь нацистов? — спросил я осторожно.

— Такие же, как этот, убил моего отца, — щелкнул пальцем по носу Феликса Лотар.

— За что?

— Ни за что. Он даже не был коммунистом. Отец был докером и вышел на забастовку. На них натравили штурмовиков с дубинками и цепями. Отцу попали цепью в висок. Он умер. Мать требовала наказать убийц. Обратилась в суд. А ее за это забрали в лагерь. Ты знаешь, что такое лагерь?

Вот это я знал. По фильмам.

«Судьба человека»: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать».

А Лотар вдруг как-то подался ко мне, словно увидел в моих глазах тот отрывок из фильма с Бондарчуком.

— Это откуда?

— Как-нибудь расскажу, — пообещал я, поняв, что я нашел здесь если не друга, то союзника. Конечно, если это не какая-нибудь очередная проверка. Или провокация.

Я посмотрел на рожу Феликса с косою челкой и чернильными усами и понял, что нет, не проверка.

— Кстати, а ты что умеешь кроме художеств? — спросил я, с трудом подавляя смех. Вид Шульца с нарисованными усами был просто уморительный.

— Как-нибудь покажу, — пообещал Лотар.

Я подошел к Лотару и протянул ему руку. И он мне крепко ее пожал.

Перед звонком я встал к доске и резким движением схватил фигурку рыцаря и спрятал ее под стол.

Группа начала очухиваться.

Первым снял очки и начал их смущенно протирать доктор Хоффман. Тут Лотар вдруг громко крикнул: «Браво! Это лучший доклад, что я слышал!» и начал громко хлопать. Хоффман нацепил дужки очков на уши и тоже хлопнул пару раз не очень уверенно. Остальные к аплодисментам присоединились.

Я скромно раскланялся и Лотару подмигнул.

Следующий политический доклад готовил Феликс Шульц. В политподготовке он был дока — сразу видно. Ви-

димо, поднатаскался в своем Лейпциге. И особо — по части чистоты крови.

Доску он украсил плакатами с изображением евреев в черных пальто и в шляпах, с пейсами. Морды у евреев были противные, с огромными крючковатыми носами. Тут же были плакаты со сравнительными изображениями представителей разных рас. От нордических арийцев до вышеуказанных евреев. Евреи были чернявые, носатые, мерзкие.

Шульц очень обстоятельно объяснил нам, какой страшный вред уже нанесли Германии евреи. Упор сделал на итоги Первой мировой войны. В итоге так распалился, что сам стал похож на Гитлера во время произнесения речей, с такой же мимикой и жестикуляцией:

— Ни один вражеский сапог не стоял на немецкой земле, когда жида уже продали Германию! — сжимал кулачки Феликс. — Наши же солдаты удерживали позиции во Франции, на Балканах, в России. Вся хлебная Украина была в наших руках! И до победы оставалось всего пара решительных шагов. И тут евреи продали нас за английское и американское золото...

Я думал, что парня сейчас от перенапряжения кондрашка хватит. Но тот сделал паузу, стравил воздух и уже гораздо спокойнее продолжил, что евреи вредят и сейчас. Что надо быть бдительнее, потому что евреи собирают важную информацию о состоянии Рейха и передают ее врагу через коммунистическое подполье посредством радиопередатчиков.

Я и так про это думал, но выступление Шульца даже придало моим размышлениям некую целенаправленность. А конкретно, мне действительно требовалась связь с подпольем, у которого имелся бы мощный радиопередатчик.

Этот передатчик, почему-то в холщовом рюкзаке с комплектом запасных батарей, мне приснился даже ночью. И все следующее утро я думал тоже про передатчик.

Видимо, мысли действительно иногда имеют свойство материализоваться.

Это я подумал, когда вдруг увидел в коридоре учебного корпуса странную процессию. Впереди вышагивал Лингард, а за ним два солдата в форме связистов. И в руках одного была рация. Такой зеленый ящик со шкалами и ручками.

Сам не знаю зачем, я пошел за ними, хотя фрау Штрикер послала меня за мелом в хозблок.

Лингард привел солдат к кабинету, велел им заходить и вдруг замети меня. Сначала нахмурился:

— Зильбер? Ты что здесь делаешь?

— Меня фрау Штрикер... за мелом...

— Ладно, ладно, давай-ка позови мне этого, из Лейпцига. Феликса Шульца. И побыстрее.

Я задание выполнил и Феликса к двери привел. Когда он заходил в комнату, я успел заметить, что рация стоит на столе, а рядом сидит один из солдат с наушниками и настраивает что-то с помощью ручек.

Лингард Шульца в комнату запустил, а на меня зло глянул

и сказал, чтобы я не шлялся, а шел учиться.

Признаюсь, эта рация надолго лишила меня покоя. Рация — это связь! Но... Этих «но» было слишком много.

Ну, допустим, я найду подпольщиков. И что я смогу им предложить?

Рассказать, что в предместье Берлина существует тайная школа, где обучают детей с экстрасенсорными способностями.

Во-первых, не такая уж и тайная. Вход-выход из особняка стал почти свободным, один сторож на воротах, а в ограде полно дыр. Уж кто-кто, а мальчишки это знают.

Во-вторых, никакой осязаемой пользы для Германии и вреда для СССР от наших занятий я пока не замечал. Даже наших преподавателей гораздо больше интересовали итоги прошедшей Олимпиады, чем, допустим, события в Испании. Там разгоралось все сильнее, а здесь внимания никто не обращал...

Но я же знал, как все будет дальше! Каким путем пойдет история. Что уже отправились блондинистые красавцы в Испанию воевать против республики. Что скоро туда полетят «Мессеры» бомбить испанские города.

И это только цветочки. А потом будут Австрия и Чехословакия. Вроде пока договорятся мирно. А вот Польша будет уже со всеми прелестями — с бомбежками. И не помогут польским шляхтичам лихие кавалерийские атаки на танковые колонны.

А потом... Почти вся Европа под свастикой, и танки с крестами на башнях под Москвой.

Но как это довести до «Центра»? И поверят ли мне? Может и не поверят, но информацию получить должны в любом случае. Пока это самое меньшее, что я могу сделать для своей настоящей Родины.

Вечером я специально прошелся вокруг учебного корпуса и обнаружил, что около одной из труб установлена радиоантенна. Судя по размерам — довольно мощная.

Странное дело, на занятиях ничего такого про радиодело у нас не было. И азбуку Морзе я не знал. Но это мелочи, азбуку можно выучить.

Пока что я решил приглядеться получше к Лотару и разобраться, что у него за дар. Пока ясно, что он не подвержен гипнотическому внушению. По крайней мере моему.

Свои способности Лотар показал всем нам уже на следующий день.

Утром сразу после завтрака нас всех загрузили в школьный автобус и зачем-то повезли в Берлин для участия в большом параде гитлерюгенда в честь праздника урожая.

Не знаю уж, чья это была идея, но мы просто потратили время зря.

На въезде в город мы даже попали в пробку, состоявшую большей частью из автобусов со школьниками. Потом нас выгрузили на Левен плац. Аксельбаум ушел отмечаться, вернулся злой, сказал, что нам велели встать в колонну из Потс-

дама.

Как назло, день выдался жаркий, на небе — ни облачка. Пока ждали, прилично так запарились.

Тут заревели фанфары, и какой-то вождь гитлерюгенда стал толкать с трибуны, украшенной ржаными снопами, пафосную речь о важности уборочной компании для Великой Германии.

После этого мы торжественно промаршировали мимо той самой трибуны, снова влезли в свой автобус и поехали назад. И, естественно, опять попали в пробку.

В свой Штеглиц мы добирались с черепашьей скоростью, водитель Пфайфер свернул с шоссе к школе по короткой дороге, через лес. И мы стали упрашивать его остановиться у лесного озера. Хотя бы на полчаса, очень уж хотели искупаться. Но водитель буркнул, что такого указания не было. И тогда Лотар мне подмигнул, смотри, мол.

Как только за окнами мелькнула гладь озера, сзади что-то прилично так бахнуло.

Пфайфер чертыхнулся, автобус остановился. Водила пошел смотреть поломку. И хотя немецкая ненормативная лексика уступает в образности выражений русскому мату, но рев там стоял такой, что даже лесные птицы затихли.

Я вытянул шею, пытаюсь увидеть, на что же так страшно ругается наш водитель. Оказалось, что Пфайфер держал в вытянутой руке большой гвоздь.

— Ну откуда здесь гвоздь?! — кричал он. — Ни одного

дома вокруг, ни одного забора! Откуда вообще мог появиться гвоздь на лесной дороге?

Пфайфер, чертыхаясь, полез за домкратом, а мы бегом бросились к озеру.

— Это что, ты устроил? — спросил я Лотара, сбрасывая на ходу рубашку.

— А то кто же, — самодовольно улыбнулся Лотар.

— Но где ты нашел гвоздь?

— Он сам как-то нашелся.

Мы здорово искупались и, вернувшись, даже помогли водителю закрутить гайки на запаске.

Глава 10. Навстречу съезду!

Мы продолжали интенсивно заниматься по школьной программе.

Впрочем, математике, физике, химии и прочим естественным наукам места уделяли совсем немного.

История, литература, география — да, вот это было довольно объемно, хотя с перекосом. Словно на этом свете были только германская история, только немецкие поэзия и проза, только образные пространства: Тюрингия дубовая, Саксония сосновая, Вестфалия бузинная... И наследие древних ариев.

Вообще, образование у нас получалось с уклоном, оккультно-эзотерическое.

А на политзанятиях все затмила одна тема — Восьмой съезд НСДРП в Нюрнберге. Только о нем писали газеты, только о нем вот уже неделю трещало без остановки радио. Собрание было названо громко — «Съезд чести», с программным докладом выступил доктор Геббельс, озвучивший цели и задачи на текущий момент. Цитата из его выступления была написана на кумаче и украсила стены Багряного зала: «Пропаганда помогла нам прийти к власти. Пропаганда поможет нам удержать власть. Пропаганда поможет нам завоевать весь мир»!

Четко и очень цинично.

Нам же дали задание конспектировать речи Гитлера. Мне попалась его речь на недавнем выступлении в отделении гитлерюгенд Нюрнберга. Конспектировать было особо нечего. Речь была короткой и как-то пугающе циничной.

«Эта молодёжь — она не учится ничему другому, кроме как думать по-немецки, поступать по-немецки. И когда эти мальчики и девочки в десять лет приходят в наши организации и зачастую только там впервые получают и ощущают свежий воздух, через четыре года они попадают из Юнгфолька в Гитлерюгенд, где мы их оставляем ещё на четыре года, а затем мы отдаём их не в руки старых родителей и школьных воспитателей, но сразу же принимаем в партию или Рабочий фронт, в СА или СС, в НСКК и т. д. А если они там пробудут полтора или два года и не станут совершенными национал-социалистами, тогда их призовут в „Трудовую повинность“ и будут шлифовать в течение шести-семи месяцев с помощью кое-какого символа — немецкой лопаты. А тем, что останется через шесть или семь месяцев от классового сознания или сословного высокомерия, в последующие два года займётся вермахт. А когда они вернутся через два, или три, или четыре года, мы их тотчас же возьмём в СА, СС и так далее., чтобы они ни в коем случае не взялись за старое. И они большие никогда не будут свободными — всю свою жизнь!»

Я долго пытался вспомнить, говорил ли про свободу кто-то из политических лидеров. Как правило, национальные во-

жди наоборот бились за свободу своего народа. А тут такое...

Теперь политзанятиям уделялось по два часа в день. Говорили и о четырехлетнем плане государственного развития, принятом на съезде. О невиданном подъеме производства, о километрах построенных автобанов. Отдельно — в который раз уже — о великолепной победе германских атлетов на Олимпиаде и о росте уровня жизни народонаселения.

С последними доводами было не поспорить. Голодных и бездомных, ночующих под мостами, никто здесь не видел. А Михаэль как-то признался, что впервые наелся, только когда нацисты пришли к власти в 1933-м. Тогда на площади в их городке поставили столы и давали еды, сколько хочешь. Он съел столько, что чуть не помер. Фельдшер едва его откачал.

Однако, съезд, оказывается, коснулся и нашей школы самым непосредственным образом. Наши научные руководители постарались отчитаться перед руководством Рейха об огромных успехах воспитанников. И главным достижением указали... обнаруженные мной «Ведьмину поляну» и «Кривую рошу».

Видимо, чего-то в этом отчете наши руководители перемудрили. Разнос последовал незамедлительно.

В школу приехали серьезные мужчины на серьезных авто. Доктора Хоффмана вызвали в его собственный кабинет, и, несмотря на добротные и толстые стены дома, все мы слышали, как орал на него приехавший.

— Нужны не графики и схемы! — гремел грозный бас по коридорам. — Нужны реальные достижения! Что вы можете мне показать? Что я могу показать рейхсминистру?

И высокий чин громко и четко сообщил доктору Хоффману, как он с ним грубо и противоестественно поступит, если в ближайшее время не будет конкретных достижений. И посоветовал хорошенько подмыть зад.

После завтрака нам объявили, что уроков не будет, что воспитанники будут заниматься со своими кураторами.

Доктор Вебер вызвал меня в кабинет. Был он очень взволнован.

— Послушай, Пауль, я хотел бы тебя попросить...

Доктор не договорил, он нервно комкал в кулаке носовой платок, словно старался найти подходящие слова.

— Все так серьезно? — спросил я и предположил. — От вас требуют результатов?

— Да, Пауль, результатов и немедленных.

— Что-то случилось?

— Ну, ты слышал, наверняка, про комиссию. Это — очень важные люди. Завтра они хотят посмотреть, на что в школе потрачены огромные средства.

— Огромные? Наше содержание обходится так дорого? Сегодня на завтрак опять была ячневая каша. Никто на нее больше смотреть не может. Кроме Кремерса, конечно. Он сожрал две миски.

Доктор невесело улыбнулся:

— Ваше содержание — мелочь, но расходы школы, они велики. Командировки доктора Хоффмана по местам силы, его путешествие в Тибет. Но и это — не так много по сравнению с...

Вебер посмотрел в сторону двери, словно боялся, что нас могут подслушать и сказал очень тихо:

— Штурмбанфюрер Лингард, как куратор проекта по линии СС... несколько вольно распоряжался средствами школы. По линии закупки необходимого оборудования проведен его новый «Хорьх» и его кабинет с приемной в центре Берлина. Здесь его кабинет тоже отделан с излишней роскошью. Мебель из Италии — натуральный кедр. Все это, безусловно, очень нужно, но тоже проходило по статье «расходы на экспериментальную работу». А результатов от экспериментов практически нет.

Все понятно, везде одно и то же. Этот Лингард не чист на руку. Коррупция, мать ее. Нецелевое расходование бюджетных средств.

Вебер тяжело вздохнул:

— Ведь не подошьешь к делу результаты наших посещений балаганов.

— А та роща в Бернау? — спросил я после долгой паузы.

И снова Вебер вздохнул:

— Как бы тебе это лучше сказать... Доктор Зиверс... Уважаемый глава Аненербе представил эту тему своим, так ска-

зять, личным достижением и в выгодном плане подал ее начальству. И справедливости ради надо отметить, что в чем-то он прав, искать места силы путем медиумов — его идея. Говорят, рейхсминистр лично выезжал в Бернау, видел эту рощу сам и был впечатлен. Что касается нас... Нам нужно показать что-то этакое...

И доктор защелкал пальцами.

Конечно, фразы «что-то этакое» в немецком языке, скучном на подобные образные эпитеты, не было. Но я понял, что именно доктор Вебер хотел от меня. Показать, что я не зря отдыхал все лето в уютном пригородном особняке, тогда как остальные немецкие подростки весело вкалывали в трудовых лагерях.

— Вот я и хотел бы спросить у тебя, Пауль, что наши ребята могут показать комиссии? Именно показать. Ты понимаешь меня?

Я понимал. Доктора интересовало, не только то, что могу я. Но и вся наша группа. Видимо, такие же примерно доверительные беседы проходили и в еще пяти комнатах особняка. Что ж, не лишено логики. Порой дети замечают то, что упускают из виду или считают не столь важным взрослые.

Нет, доктор Вебер не предлагал мне «настучать» на однокашников, просто просил проинформировать об их тайных способностях. Но что я мог сказать? За все время здесь я своими глазами видел... нет, не видел, а испытал незримый удар там, в коридоре у спальни. Когда Михаэль Кремерс вре-

зал нам всем. Неизвестно чем и неизвестно как.

Но про этот случай всем было известно, и с Кремерсом после этого занимались по отдельной программе. Что касается остальных, я понятия не имел, у кого какой дар и есть ли он вообще. Разве что несчастный Генрих...

— Не знаю, — сказал я неопределенно. — Юрген, кажется, умеет летать. И Генрих Штрайх, вот тот мог бы показать. Жаль, что его от нас забрали.

— Штрайх? И что же именно он мог? — заинтересовался Вебер.

Я в выгодном свете описал способности Генриха в отгадывании закрытых картинок и в «подслушивании голосов» через стены.

Доктор меня внимательно выслушал, сделал пометку в своей записной книжке.

— Хорошо, теперь давай подумаем, что можем показать мы с тобой. Кажется, у тебя получалось что-то в стиле Мессинга.

— Мессинга? — теперь уже удивился я. — Но Мессинг, кажется, еврей.

— Ну да, еврей, и что с того? — повеселел доктор. — Знаешь, я как-то был на его представлении. Что я могу сказать. Либо он — жуткий пройдоха, и все представление подстроено. Либо он реально ясновидящий. Он вызвал из зала человека, взглянул ему в глаза и рассказал о нем все. Где родился, на ком женился, сколько детей. Представляешь? А потом

и вообще, не видя человека, рассказал все про него, лишь подержав в руках его портсигар. Ну ладно, давай попробуем, как это получится у тебя. Видишь эти часы? Что ты можешь сказать об их владельце?

Легко сказать: «что можешь сказать». В последний раз «озарение» посетило меня в медицинском кабинете, когда эти чертовы доктора вкололи мне какой-то гадости. Бррррр. Повторять подобные эксперименты на себе я совершенно не желал.

Я подержал в руках часы и ничего не почувствовал.

Кажется, доктор Вебер тоже понял это. Он достал из кармана плоскую жестяную коробочку, похожую на портсигар, открыл ее и протянул мне большую, величиной с вишню, круглую пилюлю.

— Попробуй с этим.

Я взял шарик, рассмотрел, понюхал. Запах какой-то знакомый. Похож на тот, чем пахли палочки у того тибетского монаха, что разжигал в классе свои ароматические штучки.

Я осторожно положил пилюлю на язык, проглотил. Чуть горьковата, но ощущения приятные, кажется, присутствует ментол.

Через пару минут я что-то почувствовал. Какое-то легкое кружение в голове. И какие-то тени на стенах.

Вдруг я вздрогнул, меня буквально пробрала дрожь. Что-то изменилось, мир в глазах моментально расширился. Словно из плоского и серого стал ярким и объемным. Я по-

вертел в руках часы, тиканье их стало нестерпимо громким. Будто кто-то долбил молотом по наковальне.

Я очутился в большом зале с большой хрустальной люстрой под потолком, с большим, празднично накрытым столом. Все, все очень большое и красивое. Много цветов в вазах. Юбилей или иное торжественное событие?

Эти серебряные часы-луковицу торжественно вручил доктору Веберу высокий, худощавый человек, чем-то на него похожий. Отец или дед. Нет, скорее всего — отец. Подарил по случаю какого-то события, которое случилось не так давно.

Доктор Вебер в видении был совсем молодой, с курчавыми волосами. Они с отцом стояли во главе праздничного стола, но лиц остальных гостей за столом я разглядеть не смог. Они были словно в тумане.

Действие пилюли кончилось довольно быстро. Мир снова сузился до крохотной комнатухи — кабинета Вебера, где мы проводили занятия, краски померкли, уступив место туманной дымке, часы опять еле слышно тикали.

— Это ваши часы, — сказал я, когда туман в моих глазах окончательно рассеялся. — Вам подарил их ваш отец. На день рождения или какое-то иное событие.

— Точно! — радостно выдохнул доктор, забирая у меня часы. — Это подарок отца в честь получения мной диплома доктора. Как ты это узнал?

— Увидел, — признался я. — Кажется, там еще были го-

сти...

— Прекрасно! — чуть ли не взвизгнул доктор. — Конечно были! Наша семья! Вся семья собралась! У тебя дар, Пауль! Я подозревал, но теперь я в этом уверен!

— Но что это за пилюля?

— О! Это тибетская мятная лепешка. Доктор Хоффман привез с Тибета. Тамошние монахи применяют их в своих религиозных церемониях. Я хотел это средство применить на втором этапе наших занятий, но раз такое дело... Сможешь повторить такое завтра?

— Не знаю, — сказал я. — Если дадите такую пилюльку — могу попробовать. А вот Генрих мог без всяких пилюль...

— С Генрихом разберемся. Ты, главное, завтра не подведи.

Я пообещал не подвести. Если получится...

Вечером после ужина мы обсудили произошедшее с Лотаром в умывальной комнате. Тот после общения со своим куратором — фрау Штрикер как-то заметно погрустнел.

— Штрикер сказала, если школу разгонят, то маму свою увижу, — сказал Лотар.

— В каком смысле? — не понял я. — Тебе разрешат свидание?

— В прямом смысле. В лагерь меня бросят.

Я сочувственно посмотрел на своего соседа. До "Циклона" и газовых камер в концлагерях еще далеко, но все равно

лагерь — не подарок. И скорое свидание с мамой — малое тому утешение.

— Она еще сказала, чтобы я завтра старался, тогда она оставит меня в школе, — добавил Лотар.

— А ты не старался?

— С чего я должен для них стараться?

— А ты вообще, что умеешь? — задал я запрещенный здесь вопрос. — Если не считать гвоздей на проселочных дорогах.

— Я? Да так, ерунду разную. Показать?

Я вдруг заметил, что глаза Лотара изменились. Только что были голубые, светлые, и тут потемнели, стали почти синие. Лотар пристально смотрел куда-то мне за спину.

Я обернулся и не сразу заметил, что две зубные щетки в стакане на полке странно дрожат. У меня на глазах они вдруг «выскочили» из стакана, сделали круг над умывальником и зависли в воздухе. Потом снова «запрыгнули» в свой стакан.

Признаться, от удивления я офигел. Нет, я слышал, что где-то в секретных лабораториях КГБ СССР была какая-то секретная тетка, которая умела коробки спичечные без рук двигать, стрелку компасную заставляла крутиться. Но чтобы вот так, запросто заставить предметы летать...

— Меня поэтому сюда и взяли, — пояснил Лотар, снова посветлев глазами. — С мелкими вещами — это у меня с детства. Еще с кровати детской. Мама рассказывала. Соска, если выпадала, сама в рот прыгала. Когда не мог до любимой

игрушки дотянутся, она сама ко мне двигалась. Маленький такой желтый резиновой утенок. Он еще смешно так кричал. Мать с отцом тогда очень испугались, даже к пастору меня носили. Потом само прошло и больше не проявлялось. Хотя... Случилось разок. У нас бабка в деревне живет, у нее ферма утиная. Меня родичи туда на все лето отправляли помогать по хозяйству. Так вот там рядом есть развалины старого баронского замка. Мы с мальчишками там в Робин Гуда играли, с луками бегали. Городские на деревенских. Я однажды на башню залез и сорвался. По идее — разбиться должен был. Так нет, что-то меня на землю нежно так опустило.

— Здорово! — искренне восхитился я.

— Ну да. Правда, с тех пор высоты боюсь. А вот теперь опять началось. Точнее — с тех пор, как отец погиб... У нас квартирный хозяин — тот еще сукин сын. Доносы на отца писал. А когда отца убили... В общем, к матери стал подкапывать. Ну я ему и... Мать полы в коридоре мыла, он ее сзади и схватил. Так я ведро ему на голову и надел, вместе с тряпкой грязной. Сам не знаю, как получилось. Такой злой я был. Само ведро взлетело и ему на голову опрокинулось. Он, конечно, разорался, настучал в полицию, рассказал, как все случилось. Вот и... А как мать забрали в лагерь, то и меня... Приехали, забрали, отправили сюда...

— А что-то крупнее ведра сможешь? Пробовал?

— Не знаю. Я же говорю, с ведром само получилось. Злой очень был. А с мелкими предметами — запросто. Только я

им не показываю.

— Слушай, а как это у тебя получилось? — спросил я.

— Не знаю. Я ж говорю, как упал — не помню. Очнулся уже лежащим на земле.

— Нет, я про это, — и я указал на зубные щетки.

— Ах, это... Просто хочу, чтобы предмет взлетел, он и взлетает. А у тебя что за дар? Ну, кроме массового гипноза, как во время доклада.

— Не знаю, — мотнул я головой. — Вебер говорит, что я обладаю абсолютной защитой от телепатического влияния. Только не знаю, кому это нужно. И еще могу заглядывать в чужое прошлое. Словно сам все своими глазами вижу. Но... только после тибетской лепешки. Хоффман с Тибета привез.

— И что завтра будешь показывать?

— Вебер обещал лепешку такую дать. Загляну кому-нибудь в прошлое.

— А мне что посоветуешь делать?

— Наверное, придется завтра что-нибудь показать, — сказал я, подумав. — Хоть бы со спичечными коробками. Подвигать их на расстоянии. А попасть в лагерь всегда успеешь.

— Ну у тебя и советы, — рассмеялся Лотар.

Долговязый роттенфюрер объявил отбой и выключил в спальне свет.

Наступила тишина, в которой вдруг звонко зазвенел комар. Да не один. С чего это они?

— Лотар, не спишь? — спросил я шепотом.

— Нет.

— А с живым ты не пробовал? Ну это... Свой дар... С комарами, например.

Лотар понял, о чем я. Ответил быстро:

— Нет еще.

— Не хочешь попробовать?

— Хм... Сейчас... Попробую...

Комариный звон разом стих.

— Спасибо, — прозвучал из темноты голос Юргена.

Глава 11. Испытание

Зарядки утром не было.

И еще в нашу спальню принесли новую форму. Для всех.

Короткие до колен темные шорты из хорошей замши и новые коричневые рубашки с черными галстуками. Черные чулки почти до колен. Ботинки — тоже новые на толстой подошве. На новых ремнях висели ножны, из которых торчали рукоятки ножей. До этого нож на ремне был постоянно только у старосты Аксельбаума.

Клаус Шпарвассер сразу выхватил свой нож из ножен и впился в него глазами.

— Ух ты, настоящий! Пионерский, походный! У меня дома такой был.

Он ловко перехватил рукоятку и сделал несколько ловких выпадов, словно дома только тем и занимался, что кого-то вспарывал.

Староста прикрикнул на него и велел строиться на завтрак.

Завтрак утром нам дали просто королевский! Омлет, сыр, масло, джем, сладкие булочки. И кофе был явно натуральный, словно прямиком из Бразилии. Да еще с жирными сливками и настоящим сахаром. Видимо, наши жалобы на опостылевшую кашу возымели действие. Или это специально сделали к приезду комиссии, а завтра на завтрак опять будет

ячка или сечка?

После завтрака староста построил нас в колонну по двое и повел в актальный зал.

По лицу старосты было видно, что Аксельбаум тоже сильно волнуется. Неужели Лотар прав и школу могут расформировать?

Я подумал, а что будет, если школу, действительно «разгонят»? Меня что, отправят к танте Магде в город Росток? Нет, особо этого я не боялся, но неопределенность вызывала какую-то досаду. В Ростке мне определенно делать нечего. Если от меня и будет какая польза, то только здесь, в Берлине. История творится в столицах.

В коридоре перед актальным залом я увидел сначала санитаря в белом халате, а рядом с ним стоял мальчик. Это был Генрих. Генрих Штрайх. Тоже в новенькой форме с галстуком, но без ножа на поясе.

Он стоял и безучастно смотрел в окно, словно происходящее вокруг его совершенно не интересовало.

Староста заглянул в зал и перед тем, как скрыться за дверями, скомандовал нам «вольно».

Мы тут же обступили Генриха со всех сторон, начали наперебой спрашивать: «Ну ты как? Куда тебя возили? Чем занимался? Уколы делали?»

Генрих не отвечал, он смотрел на нас каким-то странным, словно затуманенным взглядом. Лишь встретившись со мной глазами, Генрих странно сморщился, словно пытал-

ся улыбнуться, но у него не получилось.

Санитар прикрикнул на нас, чтобы мы «не приставали с вопросами к больному». Больной? Впрочем, да, вид у него действительно был неважный.

— Кажется, у этого парня не все дома, — шепнул мне Лотар.

— Мы с ним дружили, — напомнил я.

Лотар не ответил, только еще раз внимательно посмотрел на Генриха.

Аксельбаум снова появился в коридоре, выдохнул и велел нам построиться. Втолкнул Генриха в строй замыкающим. Вывел нас через кулисы на сцену и приказал стать в одну шеренгу.

Я, наконец, разглядел «высокую комиссию», расположившуюся в зале за специально установленным столом. Стол был украшен букетами и блюдами с фруктами.

В комиссии сидели двое в черных мундирах. Один в генеральском — бригаденфюрер с тремя дубовыми листьями в петлицах. У второго в петлицах по одному резному листику — штандартенфюрер. Почти как Штирлиц, но на Штирлица внешне совсем не похож. Морда красная, рыхлая, и взгляд тяжелый, как у мясника.

Четверо гражданских. Сам Вольфрам Зиверс, дама в светлом костюме и белой блузке, и еще двое. Одного из них я узнал. Тот самый фокусник из цирка. Как же его фамилия? Ведь была фамилия большими буквами на афише. Герхер?

Герхард? Точно, «Маг Максимилиан Герхард». Он сидел с края стола и внимательно нас разглядывал.

Главным же в комиссии был совсем молодой господин в добротном шерстяном костюме. На лацкане у него блестел круглый значок со свастикой. Зиверс сидел рядом с ним и что-то нашептывал ему на ухо.

Наши преподаватели во главе с Хоффманом теснились сзади комиссии с напряженными взглядами. Штурмбанфюрер Лингард сидел рядом с ними и вид имел совершенно бледный.

Наше стояние на сцене как-то неловко затянулось. Тем более, стояли мы задом к большому портрету фюрера.

Интересно, как они представляют себе этот наш экзамен? Мы должны сделать что-то вместе?

Но нет, вот Зиверс перестал шептать на ухо гостю и подал Хаффману знак.

Мы ушли за кулисы, причем Генриха мне пришлось уводить чуть ли не за руку. Он как-то «подвис». Санитар тут же стал заглядывать ему в глаза, снова дал понюхать какой-то соли.

Очень скоро за кулисами стало очень тесно, к нам присоединились наставники — преподаватели и доктора школы.

— Ну что, друзья мои, кто начнет? — спросил Хоффман, оглядывая нас. Повернулся к Юргену. — Может быть ты, мой мальчик?

Я заметил, как Юрген побледнел.

— Я не уверен, получится ли у меня сейчас, — сказал он.

— Должно получиться, — твердо сказал доктор Хоффман и за руку вывел Юргена на сцену. Представил его.

Потом на сцене что-то произошло. Отсюда, из-за кулис я, конечно, не мог видеть комиссии, но вот реакцию услышал. Сначала дружный «оооох», потом аплодисменты.

Звучит так, словно Юрген показал им что-то стоящее. Я заглянул на сцену.

Сначала ничего не понял. На сцене по-прежнему стояли Хоффман и Юрген.

И тут я сообразил, что Юрген стал на голову выше доктора Хоффмана. Да! Не то чтобы Юрген вырос. Просто он висел в воздухе без всякой посторонней помощи. Поднялся вверх примерно на метр. Левитация! Именно этот дар я у него и подозревал после того случая ночью, когда я увидел Юргена «подвисшим» в воздухе.

— Прекрасно, — прозвучал из зала голос молодого господина. — Bravo, доктор. Мы — впечатлены! Он может что-то еще? Впрочем, я думаю, и этого на первый раз достаточно!

Хоффман вернул за кулисы Юргена. Я обратил внимание, что теперь лицо Фризе стало совсем красным, словно, от напряжения. И все потное.

— Отлично, отлично! — приговаривал Хоффман, глядя Юргена по голове. — Хорошее начало, мой мальчик! Присядь, отдохни. Кто дальше?

— Я думаю, у Лотара должно получиться, — легонько

подтолкнула в спину моего приятеля фрау Штрикер. — Лотар, что тебе нужно для демонстрации?

— Пусть на сцене поставят стол, — сказал Лотар.

Мы с Клаусом подхватили стоявший у кирпичной стены стол и поспешно выволокли его на сцену. Попутно я успел глянуть в зал. Судя по выражению лиц членов комиссии, свободный полет Юргена всех впечатлил.

Лотар вышел на сцену вместе с фрау Штрикер. Та как-то театрально представила моего приятеля и положила на стол два спичечных коробка. После чего удалилась за кулисы.

Лотар отошел от стола на пять шагов, резко развернулся. И, хотя он стоял теперь ко мне спиной, я ясно представил, что происходило. Зрочки Лотара из голубых стали синими, коробки на столе зашевелились. И стали расползаться по столу в стороны.

— Эй, эй, стойте! — раздалось из зала.

На сцену, громко топая сапогами, поднялся тот самый штандартенфюрер с рожей мясника.

— Знаю я эти ваши фокусы, — сказал он, наклонился и начал водить руками меж ножек стола.

Ничего постороннего не нашел. Удивился. Отошел на три шага. Приказал:

— А ну-ка попробуй еще раз.

Лотар попробовал. Коробки стали кружиться по столу, словно в вальсе.

Штурмбанфюрер подхватил со стола один из коробков и

зажал его в руке.

— Здесь магниты? — спросил он. Осторожно открыл коробок, перевернул и высыпал спички на стол. Заглянул в коробочку. Магнитов не обнаружил. Положил коробок на стол и отошел. Приказал:

— Давай!

Лотар дал. Коробки опять закружились по столу. Причем один из них, тот, что без спичек, залез на другой, словно баран на овцу. А высыпанные спички вдруг вскочили и выстроились кругом, головками вверх.

Офицер развернулся и посмотрел в зал. Сообщил:

— Нет магнитов. Все чисто. Я удивлен.

И снова аплодисменты от высокой комиссии.

— Коробки — это хорошо. А что-нибудь более весомое можете показать? — раздалось из зала начальственным басом генерала.

Не знаю, каких сил это стоило Лотару, но вдруг с другой стороны сцены выкатился рояль, словно его хорошенько пнули. Он прокатился мимо едва успевшего отскочить эсэсовца и остановился, врезавшись в стол с коробками. С грохотом захлопнулась открытая крышка инструмента.

Штандартенфюрер осторожно заглянул за кулисы, откуда выкатился рояль, потом посмотрел в глаза Лотару. Попятился. Молча спустился в зал. Что-то тихо сказал главному.

— Хорошо, — поднялся тот с места. — Давайте следующего.

— Отлично! Отлично! — приговаривал доктор Хоффман.

— Молодец, Лотар! Это — успех! Я же чувствовал, что этот парень себя покажет! Фрау Штрикер, вы, как наставник, тоже будете поощрены! Теперь нужно закрепить успех. Феликс Шульц, у тебя сегодня получится?

Я посмотрел в сторону этого самодовольного типа. Обычно на лице его было выражение какого-то превосходства над остальными. Но сейчас...

— Я не знаю, доктор, — вдруг сказал Феликс. — Мне словно что-то мешает.

— Мешает? Может быть, очистить сцену? — предложил доктор.

— Нет, не в этом дело, — мотнул головой Шульц. — Мне что-то мешает в зале. Этот человек с края стола...

За кулисы буквально ворвался Лингард. Сразу схватил Феликса за руку и потянул его на сцену.

— Давай, давай, Феликс! Я в тебя верю!

А вот это он зря! Зря штурмбанфюрер понадеялся на Феликса. Не знаю, какой у него был дар, но сольное выступление Шульца закончилось полным фиаско. Я специально подошел к самому краю кулис и все видел и слышал подробно.

Сначала Лингард представил Феликса. Оказалось, что его отец — крупная партийная шишка в Лейпциге и недавно получил повышение по линии СС. Потом намекнул про какую-то радиоигру, знакомую Зиверсу. Потом отошел на пару шагов и сказал:

— А сейчас вы своими глазами увидите... Сейчас этот юноша покажет... Ну давай, Феликс, соберись, поднатужься...

Шульц послушно поднатужился и...

Я не знаю, что он задумал сделать, но получилось у него явно совсем не то, что он задумал.

Феликс покраснел лицом и... бзднул. Громко и протяжно.

Лингард всполошился и постарался побыстрее увести Феликса со сцены, а в зале раздался гомон и громкое ржание того самого эсэсовца с мордой мясника.

— Выручайте, доктор, — зажимая нос, попросил Хоффман Вебера.

Я почувствовал, как рука доктора Вебера на моем плече сжалась.

— Готов? — спросил он меня.

— Да, только сцену лучше бы прибрать.

Вебер распорядился, взял меня за руку и вывел на сцену. Так мы и стояли, пока остальные ребята убирали стол и задвигали рояль обратно за кулису.

Доктор Вебер выдержал паузу и громко сказал, указывая на меня:

— Господа, этот мальчик, Пауль Зильбер – поистине уникален. Доктор Зиверс уже осведомлен о его участии в операции «Ведьмина поляна». Но не только это. Он обладает даром провидца. Также он может заглянуть в прошлое любого человека. Может кто-нибудь из вас дать предмет, который

связан с каким-то важным событием в жизни.

Как видно, Вебер решил повторить тот опыт с часами. Пока члены комиссии переглядывалась, он достал свою коробочку и протянул мне пилюлю. Сказал шепотом:

— Не торопись, проглотить перед тем, как начнешь выполнять задание.

Тем временем из-за стола встала дама, отколола от лацкана пиджакам брошь в виде ласточки и подошла к сцене. Лицо женщины мне понравилось, с правильными чертами, только очень бледное.

— Что он скажет про это? — спросила она, передавая брошь доктору Веберу.

Я понял, что пора принять средство, и проглотил круглую пилюлю.

Сейчас она сработала даже быстрее.

Пространство словно расширилось, краски стали ярче, звуки отчетливее. Вот только запах... Чертов Шульц, он все испортил!

Впрочем, с этой бедой я справился быстро. Оказывается, я теперь мог управлять всеми своими чувствами по собственному разумению. Я «отключил обоняние». Нестерпимая вонь сразу стихла.

Доктор принял у дамы и вручил мне брошку. Я погладил ее гладкую поверхность. Брошка оказалась серебряной с голубым глазком.

Задание было довольно легкое. Я почти сразу увидел и эту

даму, и того, кто ей брошку эту подарил. Они стояли на летном поле. Полевой аэродром. Мужчина аристократического вида в форме горчичного цвета и в кожаном шлеме с большими круглыми очками. Без сомнения — пилот. Он целует даме ручки, потом целует в губы. Крепко. Видимо, у них с дамой все серьезно. Он вручает ей брошь и говорит что-то ласковое.

— Эмма, когда посмотришь в небо, вспоминай своего стрижа, — сказал пилот на прощание. Еще раз поцеловал ее в щеку и повернулся к самолету, который уже прогрелся перед вылетом. Самолет военный. Такие часто появлялись на экране в советских фильмах про войну. С паучьими крестами на крыльях. Кажется — «Ме-109».

— Вас зовут Эмма. Эмилия, — сказал я уверенно. — Вам эту брошь подарил ваш друг, или жених. Перед вылетом. Он высокий, стройный, у него тонкие, щеголеватые усики. Вам брошь эта очень дорога, дотрагиваясь до нее, вы всегда вспоминаете этого человека.

Я закончил говорить и посмотрел на даму. Вот уж не ожидал, что взрослая женщина может одновременно так густо покраснеть. Впрочем, для такой бледной кожи — это понятно.

— Все верно, — кивнула дама, приняла брошь обратно, нежно погладила птичку и приколола ее обратно. — Это подарок моего Эрика. Да, он пилот и недавно улетел с очень важным заданием. В Италию...

За комиссионным столом захлопали, но тут снова вмешался тот самый штандартенфюрер. Он вскочил, замахал руками:

— Ха! Знакомые штучки! Как у того еврея Мессинга. Да, я был на его представлении. У нас в Баварии шарлатаны на ярмарках работают тоньше. Подумаешь, брошка. Понятно, кто такое может подарить. Только жених или любовник. Прошу прощения, фрау, за солдатскую прямоту. А вот вопросец посерьезней... Господин генерал, разрешите?

Генерал кивнул, эсэсовец взял черную папку, лежавшую перед генералом, подошел к сцене и показал паку всем, словно собирался ее продавать.

— Здесь документы. Секретные! Сегодня вечером уважаемый барон Карл фон Угерд будет участвовать в важном совещании в генеральном штабе. В присутствии фюрера! Пусть юный медиум скажет, что именно здесь!

Доктор Вебер передал мне папку. Я взял ее в руки, пощупал качественную кожу. Но ничего не почувствовал. Кажется, действие пилюли кончилось. Вебер, видимо, это тоже понял и протянул мне еще один шарик из заветной коробочки. Теперь — зеленого цвета.

Не знаю, что за травы растут в горах Тибета, но теперь шарик был совсем горьким, а накатило с него гораздо серьезнее. И папка в руках стала горячей, так что я с трудом удерживал ее в руках. Зато...

Зато теперь я мог прочитать каждый документ из этой

папки и даже знал-видел, как эти документы готовились. Это было конструкторское бюро: много вертикально установленных досок, и чертежи на них. На чертежах — танки с короткоствольными пушками. Инженеры в белых халатах сидят за столом и спорят, обсуждают, даже ругаются. В папке три проекта нового танка под условным названием «Т-4». Генерал — танкист. Все три проекта ему пока не нравятся, у каждого имеются свои недостатки.

Больше всего меня удивило, что именно этого генерала послали сюда, в эту комиссию. С чего бы это? Ага, в папке есть отдельный документ о разработках учеными нового эффективного средства от усталости для экипажей танков под условным названием «Панцер-шоколад». Вот на него генерал возлагает большие надежды.

Конечно, я мог бы все это сразу вывалить на комиссию, но вовремя спохватился. То, что ко мне в руки попала эта папка — большая удача. И доступ к секретным документам надо использовать с умом.

— Вы — танкисты, — сказал я штандартенфюреру. — В этой папке чертежи новых танков для великой Германии. Сегодня на совещании фюреру предстоит выбрать один из трех вариантов новой модели.

В зале воцарилось гробовое молчание. Мордатый эсэсовец смотрел на генерала, тот с не меньшим удивлением смотрел на него. Потом оба уставились на меня. Мордатый сам поднялся на сцену и осторожно забрал папку из моих рук.

Наверняка он уже пожалел, что решил так вольно распорядиться секретными документами. Поступок глупый и беспечный.

И тут я встретился глазами с тем самым магом из цирка, что сидел с края стола. Он встал, подошел к сцене, легонько поигрывая тросточкой в руке, остановился напротив меня. Протянул мне свою трость.

— А что, юноша, вы скажете про это? — спросил он.

Трость тоже была горячая. Более того, увидел я почему-то огонь и... острый клинок. И еще понял, что этот клинок магу очень дорог.

— Я вижу только длинное лезвие и огонь, — сказал я, чувствуя, как мир вокруг схлопывается до привычных размеров. — Вы очень дорожите этим клинком.

— Bravo! — сказал маг, принимая трость обратно. — Коротко, ясно и совершенно верно!

Он вдруг нажал что-то в рукоятке и, действительно, обнажил тонкий, острый клинок, который был спрятан в трости.

— Вот так запросто этот подросток разоблачил мою тайну, — хохотнул он, поворачиваясь к комиссии. — Действительно, эта штука однажды спасла мне жизнь в Киле. Я как-то не успел сдать выручку за представление нашему бухгалтеру и возвращался домой с пухлой пачкой банкнот в кармане. И за мной увязались два пьяных матроса. И если бы не этот клинок...

Маг сделал эффектный выпад, словно кого-то поражал

своим оружием. Спрятал его обратно в трость, повернулся к Веберу.

— А что за пилюли вы предлагали своему подопечному?

— Это тибетские лепешки, привезенные доктором Хоффманом с Тибета, — поспешил пояснить доктор.

Маг кивнул и повернулся к комиссии:

— Господа, предлагаю отпустить этого юношу. Кажется, он уже близок к обмороку. Если хотите знать мое мнение — я приятно поражен. Господин Зиверс, примите мои поздравления. Сегодня я увидел здесь нечто великолепное! Все прекрасно! Если не считать того грандиозного пука...

За столом громко засмеялись.

— Ну а теперь я покажу вам оборотня! — сказал вышедший на сцену доктор Баумайстер. — Хотите увидеть настоящего оборотня?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.